

filip
argolin

Филип Марголин

**Высшая
справедливость**

CNPOL.RU
Crim
thriller
horror

Джон Финли внезапно открыл глаза. Сердце учащенно билось. Что-то вырывало его из глубокого сна. Капитан Финли сел в постели. Корабль «Чайна си» был пришвартован к изолированному причалу на реке Колумбия в Шелби, штат Орегон, примерно на полпути между Портлендом и побережьем. Двигатели не работали, поэтому прослушивался каждый ночной звук...

перевод
с английского

Crime. Thriller. Horror

Филипп Марголин

Высшая справедливость

«Центрполиграф»

2010

Марголин Ф.

Высшая справедливость / Ф. Марголин — «Центрполиграф», 2010 — (Crime. Thriller. Horror)

Совершено нападение на судью-заседателя Верховного суда США, злоумышленник скрылся. Начавшееся расследование выявляет связь преступления с недавними громкими скандалами в высших эшелонах власти, с нелегальным финансированием тайных операций спецслужб. Молодые юристы Брэд Миллер из Вашингтона и Монте Пайк из Портленда, а также детектив Дафна Хаггард из Балморала вынуждены идти на риск и проявляют редкую принципиальность, вступая в интеллектуальную схватку с коррумпированными коллегами и агентами разведки.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Часть вторая	14
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	31
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	41
Глава 14	43
Глава 15	45
Глава 16	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Филип Марголин

Высшая справедливость

Часть первая

Корабль-призрак

Октябрь 2006 г.

Глава 1

Джон Финли внезапно открыл глаза. Сердце учащенно билось. Что-то вырывало его из глубокого сна.

Капитан Финли сел в постели. Корабль «Чайна си» был пришвартован к изолированному причалу на реке Колумбия в Шелби, штат Орегон, примерно на полпути между Портлендом и побережьем. Двигатели не работали, поэтому прослушивался каждый ночной звук. Ожидая, пока глаза привыкнут к темноте, он сунул руку под подушку и ухватил свой револьвер 38-го калибра. В поездках, подобных этой, он всегда имел при себе оружие, особенно когда они везли такой груз и когда он совершенно не доверял команде. Корабль мягко ударялся о сваи причала. Дыхание Финли успокоилось. Однако лишь только он начал засыпать, как в переговорной трубке каюты послышался стон.

«Чайна си» было старым судном снабжения. Первоначально его построили для доставки бригад рабочих на нефтяные платформы и эвакуации их оттуда, а недавно значительно переоборудовали для встреч в океане с грузовым кораблем из Карачи. На судне была налажена внутренняя связь, но Финли, по собственному капризу, сохранял устаревшие переговорные трубки. Одна соединяла его каюту с капитанским мостиком, другая – с машинным отделением.

Семь человек экипажа проявили себя во время рейса как настоящие профессионалы, но каждого из них нанимал Белсон, который нанял и самого Финли. Он не знал Белсона. Не знал даже, было ли это его подлинным именем. Имя Оррин Хэдли, вписанное в паспорт и другие документы самого Финли, было точно не его.

Финли потихоньку пересек комнату и прижался ухом к двери. Через минуту отпер ее и раскрыл. Лампы, заключенные в проволочные клетки, освещали узкий трап перед каютой. На металлические переборки падали клетчатые тени. Пол застилал ковер, темнели двери кают членов экипажа, сделанные из того же дерева, что и дверь каюты Финли. Рейс был продолжительным, и он знал, что каждая каюта снабжена удобствами, сравнимыми с теми, которые имеются в каютах морского лайнера.

В каюте напротив Финли располагался Грег Нордланд. Он был профессиональным маляром и покрасил отметины, оставшиеся на корпусе судна после стыковки в море с пакистанцами. Дверь каюты Нордланда была чуть притворена. Финли слегка постучал по ней. Когда не последовало ответа, открыл дверь легким толчком локтя. Свет в каюте не горел, и он выждал мгновение, чтобы глаза привыкли к темноте и он смог рассмотреть, что происходит внутри. Увиденное заставило его попятиться. Правая рука Нордланда свешивалась с кровати, суставы и тыльная сторона ладони касались пола. Скопившаяся на простынях кровь вытекала из глубокой ножевой раны в горле.

Финли не раз видел смерть, но неожиданное зрелище все же потрясло его. Он выбрался из каюты и в ту же секунду вздрогнул от грохота выстрела, отразившегося от стен узкого коридора. Затем рухнул на пол, сраженный пулей, выпущенной с другого конца трапа. Через мгновение Стив Тэлбот подошел к нему, готовясь сделать контрольный выстрел. Сосредоточенность радиста на выборе мишени спасла Финли жизнь. Тэлбот был так поглощен желанием произвести следующий выстрел возможно точнее, что не заметил револьвера в руке Финли. А тот пальнул шесть раз. От грохота выстрелов и пуль, пронзивших его, выстрел самого Тэлбота прошел мимо. Он замертво упал на ковер.

Пуля Тэлбота обожгла бок капитана, вызвав адскую боль, хотя и не произведя большого вреда. Финли сжал зубы и с усилием поднялся на ноги. Превозмогая боль, он потащился по коридору. Между ним и покойником находилась еще одна каюта. Он знал, что обнаружит, когда толкнул ее дверь. Если грохот выстрелов минуту назад не заставил Неда Стайвесанта

выбежать из своей каюты, значит, Тэлбот перерезал горло и ему. Финли не испытал никакого удовлетворения от того, что его прогноз подтвердился.

В четыре утра Тэлбот, видимо, отбывал вахту на палубе. В этом был умысел. Радист подождал, пока все заснули, перед тем как перерезать команду. Привычка Финли запирает дверь своей каюты, вероятно, спасла ему жизнь. Тэлботу пришлось пустить в ход нож, поскольку капитан услышал бы выстрелы в любой из кают. Финли понял, что план Тэлбота дал осечку, когда радист отправился в машинное отделение. После того как Тэлбот разрядил револьвер, старая переговорная трубка донесла звук выстрела в каюту капитана.

Финли крепко сомкнул глаза и сделал глубокий вдох, чтобы перенести приступ боли. Затем выпрямился, насколько мог, и завершил прогулку по коридору тем, что убедился в гибели Тэлбота. Определенно радист больше не представлял опасности. Капитан прислонился к стене и принялся размышлять. Тэлбот перебил команду и пытался убить его, но он не мог управлять судном сам, значит, действовал не один.

Мозг Финли заработал в ускоренном темпе. Ему следовало убираться с корабля *немедленно*. Пошатываясь, он вернулся в каюту и перезарядил револьвер. Затем схватил вещмешок с деньгами, подложными паспортом и удостоверением, впихнул в него как можно больше одежды.

Финли чувствовал головокружение, но заставил себя не думать о боли и выйти на палубу. На небе, затянутом тучами, виднелся лишь краешек луны. В темно-синем бушлате и вязаной шапке узнать его будет нелегко, очень кстати, что сейчас холодно. Чтобы защититься от ветра, дувшего с реки, Финли поднял воротник бушлата. Затем, наблюдая за берегом, прополз по палубе. Судно пришвартовалось напротив пакгауза; свою машину, когда уходили в море, он припарковал рядом с ним. Чтобы добраться до машины, ему нужно сойти по сходням и пересечь широкую, открытую полосу асфальта. Возможно, его подстерегают, тогда легко попасть под меткий выстрел, но разве у него был выбор? Если он останется на борту корабля, то люди, работавшие с Тэлботом, убьют его наверняка.

Финли вздохнул и потащился с корабля. Каждый шаг сопровождался болью, но он добрался до машины не подстреленный и не потерявший сознания. Капитана мутило. Когда приступ тошноты прошел, он завел машину. Выбравшись на шоссе, Финли мог направиться лишь к одному месту. Он так боялся проехать мимо, что обращал внимание только на дорогу впереди. Вот почему не заметил огней фар в зеркале заднего вида.

Глава 2

Том Освальд вылезал из полицейской машины, ощущая с реки сильный порыв ветра. Он пригнул голову и с трудом протиснул наружу свое стокилограммовое тело.

Вслед за ним направился к пакгаузу его напарник Джерри Свенсон. Ниже пакгауза течение бросало на причал «Чайна си».

Внутри пакгауза два копа из Шелби обнаружили ночного сторожа Дейва Флетчера. Одетый в форму охранника, он сжимал в руках кружку горячего кофе.

– Вы дядя Майка Кеслера, верно? – спросил Освальд, чтобы успокоить нервничающего свидетеля.

– Боб, его отец, – мой брат.

– Мы с Майком играли в бейсбол в школе.

– Я вас видел, – сказал Флетчер, который не казался более успокоенным. Тик близ его правого глаза и лопнувшие капилляры на носу подсказывали Освальду, что Флетчер был человеком, который легко раскалывается на допросах.

– Ну, что произошло, Дейв? – спросил Свенсон.

Им оставалось тридцать пять минут до окончания дежурства, когда поступило распоряжение послать их в пакгауз.

– На корабле случилось что-то ужасное, – ответил Флетчер дрожащим голосом.

– Что вы имеете в виду под «ужасным»? – заинтересовался Освальд. Он устал, и в последние полтора часа думал только о том, как бы поспать.

– Я завершил свои обходы чуть раньше четырех утра. Хожу по периметру каждый час.

Флетчер замолк, чтобы собраться с мыслями. Его трясло.

– Собирался уходить, когда услышал что-то. Я служил в армии. Это звучало как выстрелы. Дул ветер, а у корпуса корабля толстая обшивка, поэтому я не был уверен.

Освальд ободряюще кивнул.

– Затем с корабля спустился парень, пересек территорию перед пакгаузом и скрылся за ним. Он бежал согнувшись и держался за бок, шатался, будто ранен. Несколько недель у пакгауза была припаркована машина. Босс говорил, что так и надо. Кто-то с корабля получил разрешение занять этот участок, когда они арендовали причал. Туда парень и двигался. К тому времени, когда я обходил пакгауз сзади, машина уже отъехала.

Флетчер сделал паузу. Он так сжимал кружку с кофе, что у Освальда возникли опасения, как бы она не лопнула.

– Сразу же после отъезда человека с корабля мимо меня проехал внедорожник, он, возможно, двинулся к шоссе.

– Вы знаете марку каждой из машин? – спросил Свенсон.

– Припаркованную машину я видел каждый день. Это была голубая «хонда». Номер не знаю. Внедорожник был черного цвета. Похоже, это был «форд».

– В депеше сказано, что вы сообщили о теле, – сказал Освальд.

Флетчер изменился в лице.

– Я видел один труп на трапе и один в каюте. У трупа на трапе было прострелено лицо. У меня не хватило времени, чтобы рассмотреть парня в каюте, но точно – там было много крови. – Голос Флетчера понизился до шепота. – С меня оказалось достаточно. Когда я вышел наружу, позвонил.

– Сколько трупов на корабле? – спросил Свенсон.

– Я видел только два, но выстрелов было много.

– Как вы думаете, кто-нибудь на судне остался в живых? – спросил Освальд.

– Когда я был там, никого не слышал.

– Ладно, Дейв. Спасибо. Пока побудьте здесь. Мы с Джерри осмотрим все вокруг. Вы нам здорово помогли.

Освальд подошел к полицейской машине и достал из багажника криминалистический комплект. Свенсона он застал ожидавшим на палубе. Напарник топал ногами и дул на руки, стараясь согреться.

– Что ты об этом думаешь, Том? Неужели мы напали на что-то вроде дела О.Дж. Симпсона? – спросил он возбужденным голосом. У них в Орегоне, в Шелби, не случилось преступлений в Бейсбольной лиге.

Судя по тону Свенсона, молодой коп полагал, что обнаружит на «Чайна си» последствия игры янки с «Красными носками».

– Скоро узнаем, – ответил Освальд, опускаясь в люк.

Полицейские передвигались по безмолвному кораблю с оружием наизготовку. Они остановились, когда обнаружили на трапе изрешеченное пулями тело. Беглый осмотр кают выявил наличие еще двух трупов.

– Давай разделимся, – предложил Освальд. – Я осмотрю следующую палубу, ты посмотри, что внизу. После этого я позвоню в полицейское управление штата и вызову экспертов-криминалистов.

Однако почти сразу же Свенсон окликнул Освальда:

– Спускайся сюда, Том. Я нашел еще два тела и что-то непонятное.

Спускаясь на нижнюю палубу, Освальд недоумевал, что может быть более странным, чем то, что они уже обнаружили.

– Одно тело в машинном отделении, другое здесь, – сказал Свенсон, ведя Освальда в короткий коридор за галюном. – Он лежал на животе. Я перевернул его, чтобы прощупать пульс, и обнаружил это.

Свенсон указал на едва заметный разрыв ковровой дорожки, покрывавшей узкий проход.

– Ты приподнимал ковер? – спросил Освальд.

– Да, но положил обратно, когда увидел то, что под ним. Решил действовать совместно с тобой. У тебя ведь комплект.

Освальд присел на корточки, погрузил пальцы в ворс и отвернул часть ковровой дорожки площадью примерно в квадратный метр. Под ней оказалась металлическая крышка люка.

– Посвети, пока я буду снимать отпечатки пальцев, – сказал Освальд.

Фонарик Свенсона осветил металлическую поверхность. Освальд снял три отпечатка, поместил их в целлофановые конверты и сунул в карман форменной куртки.

– Отлично, – сказал он, – теперь открывай.

Свенсон взялся за металлическую рукоятку крышки люка и, напрягши мускулы, открыл ее. Освальд направил свет своего фонарика в кромешную тьму трюма. Пространство походило на внутренность цистерны для воды, и он догадался, что трюм уходил вниз на глубину двух палуб. Кто-то осушил его. Луч фонаря Освальда осветил несколько штабелей брезентовых упаковок. Задержав на них на мгновение взгляд, он начал спуск вниз по ступеням лестницы, приваренным к стене. Когда его голова поравнялась с верхом одного из штабелей, он вынул нож и ткнул его в первую попавшуюся брезентовую упаковку. Взглянул на содержимое показавшегося мешка и выругался.

– Не уверен, пока не проверили, – сказал Освальд, – но думаю, это гашиш.

Он выбрался из трюма и покачал головой:

– Что за чертовщина! Здесь столько гашиша, что можно осчастливить им Шелби до окончания будущего века, к тому же у нас будет собственная версия фильма «Техасская резня бензопилой».

Освальд закрыл люк, и полицейские пошли наверх, обсуждая возможные действия в дальнейшем. Как только они вышли на верхнюю палубу, мимо пакгауза промчались три

машины и, разрывая тишину визгом тормозов, остановились рядом с причалом. Дверцы машин открылись еще до того, как заглохли моторы. Из них высыпали люди с автоматами. Некоторые из них разместились на причале, остальные последовали по сходням за высоким блондином в ветровке на корабль. Освальд подошел к верху сходней встретить их. Блондин показал удостоверение и собрался идти дальше.

– Арн Белсон, Департамент внутренней безопасности, – сказал он. – Кто вы?

– Томас Освальд, полицейское управление Шелби. Вы посягаете на место преступления.

Белсон покровительственно улыбнулся:

– На самом деле, офицер Освальд, это вы посягаете.

Освальд отметил его слабый скандинавский акцент.

– Вы вмешались в федеральное расследование, которое уже ведется некоторое время.

Должен попросить вас и вашего напарника покинуть «Чайна си».

Освальд недоверчиво приоткрыл рот:

– Вы шутите.

– Уверяю вас, что нет. Операция затрагивает вопросы национальной безопасности, поэтому сожалею, что не могу быть более откровенным. Однако ваше сотрудничество будет отмечено на самом высоком уровне. Мне жаль, но это все, что я уполномочен сказать.

Освальд не без усилия сдержался.

– Не знаю, за кого вы меня принимаете, но ошибаетесь, если полагаете, что сможете вертеться здесь и взять на себя расследование массового убийства, лишь показав удостоверение из пластика, дубликат которого можно приобрести в любом магазине товаров для досуга.

Белсон указал на своих вооруженных спутников. Стволы их автоматов угрожающе глядели на двоих полицейских.

– Не вам проверять мои полномочия, офицер Освальд. Глупое поведение лишь приведет к вашему аресту и заключению. Сейчас же, пожалуйста, немедленно покиньте корабль и прилегающую территорию, или мои люди задержат вас.

Освальд собрался ответить, когда Свенсон коснулся его плеча:

– Их больше, Том. Пойдем отсюда и подумаем, что делать дальше.

Освальд взглянул на Белсона, и не надо было быть прорицателем, чтобы понять, что произойдет, если он окажет сопротивление. Он уже спускался по сходням, когда Белсон указал пальцем на криминалистический комплект.

– Пожалуйста, дайте свой комплект, – шагнул к Тому один из спутников Белсона.

Освальд сделал вид, что передает пакет с неохотой.

– Один вопрос, – сказал он. – Как вы узнали, что совершено преступление, и каким образом так быстро добрались сюда?

– Это уже два вопроса, и ни на один из них я не имею права отвечать. Если бы ответил, нанес бы ущерб национальной безопасности. После одиннадцатого сентября все изменилось, уверен, вы понимаете.

Единственное, что Освальд мог понять, – так это то, что его со Свенсоном поймали, но он предпочел не высказывать эту мысль вслух. Он просто направился к своей машине, неся в кармане снятые на «Чайна си» отпечатки пальцев.

Когда они покинули зону видимости, Освальд съехал на обочину дороги и позвонил шефу полиции Шелби Роджеру Майлзу. По голосу шефа он понял, что тот только что крепко спал.

– Прости, что разбудил, Роджер, но случилось кое-что действительно необычное.

– О чем ты говоришь?

– Мы отреагировали на телефонный звонок 911 с причала около пакгауза. Ты знаешь его, полагаю?

– Объясни, в чем дело, Том, – произнес Майлз густым голосом, еще не отошедшим ото сна.

– О'кей. На пирсе, где пришвартован корабль, мы обнаружили пять трупов и трюм полный гашиша.

– Что-что? – переспросил Майлз, проснувшись окончательно.

– На борту судна пять трупов. Часть людей застрелены, часть – зарезаны ножом, и трюм полный наркотиков.

– Господи! Звони в полицию штата. Мы не оснащены достаточно, чтобы вести такие крупные дела.

Освальд ожидал подобной реакции. Шеф был прежде всего дипломатом и лишь затем начальником правоприменяющего органа.

– Не думаю, что полицию штата Орегон примут на месте преступления с распростертыми объятиями, шеф.

– Что ты имеешь в виду?

– Примерно через пятнадцать минут после того, как мы взобрались на судно, появились три машины с вооруженными людьми из Департамента внутренней безопасности. Они велели нам отдать криминалистический комплект и уезжать.

– Что? Как они могли? Это в нашей юрисдикции.

– Их начальник, парень по имени Белсон, сказал, что арестует нас, если мы не уберемся. Я не хотел испытывать судьбу. Они были лучше нас вооружены и превосходили числом. Мы ничего не могли сделать.

– Ну и дела, – пробормотал Майлз.

Освальд представил, как шеф проводит рукой по голове. Он терпеливо ждал, когда Майлз выработает план.

– Ладно, – сказал наконец Майлз. – Ваша смена почти закончена, не так ли?

– Да.

– Отправляйтесь домой. Забудьте об этом корабле. Пусть им занимаются федералы. Во всяком случае, нам придется просить помощи. Пять трупов и трюм полный наркоты... Да, наших сил тут явно не хватит.

– Мне следует написать отчет?

– Да, напиши и обязательно упомяни, что вы подвергались угрозам. Нам надо прикрыть свою задницу на случай, если что-нибудь пойдет не так или если нас будут обвинять в чем-либо.

– Что мне делать с докладом, когда он будет готов?

– Просто зарегистрируй эту фиговину и сдай в архив. Если повезет, мы о ней больше никогда не услышим в дальнейшем.

Глава 3

Том Освальд припарковал полицейскую машину рядом с пакгаузом. Полная луна, сияющая в безоблачном небе, освещала причал. Они прибыли сюда в полночь спустя сутки после того вечера, когда телефонный звонок на номер 911 позвал их к «Чайна си».

– Корабль ушел, – произнес Джерри Свенсон, когда они с Томом Освальдом смотрели сквозь ветровое стекло машины на пустое место, где раньше было пришвартовано судно.

Освальд ничего не ответил. Он был зол и не знал почему. Массовое убийство и наркотрафик официально перестали иметь к его деятельности какое-либо отношение, как только Майлз приказал оставить дело в распоряжении Департамента внутренней безопасности и забыть о трупах и гашише. И все же манера, в которой федералы вмешались и продемонстрировали свою власть, чертовски разозлила его.

– У нас компаньон, – сказал Свенсон.

Освальд отогнал невеселые мысли и глянул в зеркало бокового вида. К ним приближался охранник с фонарем в руке. Он поравнялся с багажником машины, когда Освальд смог отчетливо увидеть, что это не Дейв Флетчер.

– Вам помочь? – предложил охранник, осветив фонариком салон машины.

– Да, ты окажешь большую услугу, если уберешь свет с моих глаз, – прорычал Освальд. Затем взял себя в руки. Уже поздно, он был утомлен и раздражен, но нет никаких оснований срывать свое настроение на охраннике. – Прости, день был трудным, – извинился Освальд. – Где Дейв?

– Кто? – спросил охранник.

– Дейв Флетчер, парень, который здесь обычно дежурит.

– Не имею представления. Меня только что перевели сюда из торгового центра «Астория». – Охранник покачал головой. – Надеюсь, временно. Это место слишком заброшенное. Понимаете, что я имею в виду?

– Да. Послушай, мы только передохнем. Минут через пятнадцать не будем тебе докучать.

– Ладно, пока, – сказал охранник и пошел дальше.

– Мерзавцы увели этот чертов корабль, – сказал Освальд, как только охранник удалился настолько, что не мог их слышать.

– Я видел по телевизору, как Дэвид Копперфильд заставляет исчезнуть статую Свободы, – откликнулся Свенсон. – Так и здесь, только Копперфильд вернул статую обратно.

Том Освальд жил одиноко в однокомнатной квартире, которая была слишком мала для Тома и его бывшей жены, и все еще казалась тесной, даже когда Линда ушла из жизни. Его семейный дом был темным, мрачным и оставлял немного приятных воспоминаний. Освальд находился в удрученном состоянии, когда демобилизовался из армии, и его скорая женитьба на женщине с биполярным расстройством и склонностью к выпивке была не самым удачным шагом. В доме постоянно велся разговор на повышенных тонах или господствовало враждебное молчание, поэтому Освальд старался, когда мог, держаться от него подальше.

Вместо того чтобы ехать домой, Освальд направился к парку трейлеров, где жил Дейв Флетчер. Он остановил машину перед трейлером Флетчера и постучался в дверь.

– Если вы ищете Дейва, то его нет.

Освальд повернулся на голос. В дверях соседнего трейлера стояла массивная женщина в ночном халате. Она появилась в бигуди, между пальцами левой руки торчала зажженная сигарета. Освальд переместился на метр между передвижными домиками.

– Я – Том Освальд из полицейского управления Шелби. Миссис...

– Дора Фрэнкель.

– Куда делся Дейв, миссис Фрэнкель?

Женщина сделала затяжку и пожала плечами:

– Не имею представления.

– Вы помните, когда видели его в последний раз?

Фрэнкель устремила взгляд в пространство.

– Я видела, как он выходил из дому днем раньше, но с тех пор его машины рядом с трейлером не было. С ним что-нибудь случилось?

– Мне это неизвестно. Просто хотелось переговорить с ним об одном деле.

– Он что-нибудь натворил?

– Он свидетель. К нему претензий нет.

– Это приятно слышать. Дейв всегда был хорошим соседом.

Освальд передал женщине свою визитку:

– Когда Дейв вернется, попросите его позвонить мне.

– Непременно, – пообещала Фрэнкель. – Я должна идти. Начинается моя телепрограмма.

Усевшись снова в кресло машины, Освальд отметил про себя, что должен поговорить с начальником Флетчера, но он не надеялся, что ему откроют, случилось ли что-нибудь действительно серьезное. Интуиция подсказывала: ночной сторож исчез вместе с «Чайна си», трупами и гашишем. Он надеялся, что ошибается, прибавляя еще одну жертву к убитым на судне, но любое событие, связанное с «Чайна си», не сулило ничего хорошего.

Освальд отправился домой на автопилоте, размышляя о том, какие уроки следует извлечь из инцидента на корабле. Теперь он понимал, что жители Шелби, штата Орегон, являлись всего лишь мелкими рыбешками в огромном океане, в пучине которого можно без всяких усилий заставить исчезнуть людей, трюмы с гашишем и целые корабли. Он не боялся неприятностей со стороны большой рыбы, но был не в состоянии предпринять что-либо дельное, особенно после того, как шеф Майлз посоветовал забыть обо всем, что он видел.

Уже на полпути к дому Освальду пришла в голову дерзкая мысль. Он развернулся и поехал на вокзал. У него остались отпечатки пальцев, припрятанные от громил из Департамента внутренней безопасности. Это немного, но он может пропустить отпечатки через АСДИ¹ и определить, есть ли там данные о них. Он понятия не имел, что будет делать с человеком, чьи отпечатки пальцев идентифицируются. Освальд испытывал удовлетворение лишь оттого, что поступает вопреки тому, что ему приказали.

¹ АСДИ – автоматическая система дактилоскопической идентификации. (Здесь и далее примеч. ред.)

Часть вторая

Суд последней инстанции

Январь 2012 г.

Глава 4

Когда Брэд Миллер поправлял перед зеркалом свой галстук, он заметил, что в его черные курчавые волосы вкралось несколько седых прядей. Неудивительно, если учесть то, что случилось в прошлом году. Но то был прошлый год, а сейчас – другие времена. Брэд улыбнулся, поправляя узел галстука.

У Брэда было несколько причин быть счастливым. Прежде всего, Гинни Страйкер, его невеста, которая стояла рядом, нанося макияж. По возрасту немногим старше Брэда, Гинни была высокой, стройной блондинкой с голубыми глазами, родом со Среднего Запада. Когда они впервые встретились полтора года назад как сотрудники-первогодки юридической фирмы в Портленде, штат Орегон, он принял ее за коммивояжера из Канзаса. Семь месяцев назад Гинни переехала с Брэдом в Вашингтон, округ Колумбия, после того как отставной верховный судья Соединенных Штатов Рой Кинер помог ей стать сотрудницей одной из наиболее престижных юридических фирм Вашингтона – «Рэнкин, Ласк, Карстерс и Уайт». Ее жалованье обозначалось шестизначной цифрой и послужило причиной того, что они позволили себе апартаменты на Капитолийском холме.

Брэд, естественно, не мог оплачивать их аренду на свою зарплату клерка при судье Верховного суда Фелиции Мосс, должность, которую Брэду подыскал Кинер в знак благодарности за помощь в разоблачении величайшего скандала американской политической истории.

Работа клерка давала еще один повод для улыбки. Да, она оплачивалась невысоко и длилась для Брэда от десяти до двенадцати часов, но работа в Верховном суде была мечтой любого адвоката, поскольку открывала возможности для карьеры в любой сфере мира юстиции. Наградой было уже то, что он работал для судьи Мосс, блестящего профессионала.

Наконец, последний повод улыбаться. По прибытии в Вашингтон жизнь Брэда стала благословенно спокойной, и это было очень, очень дорого, особенно если учесть, что в предыдущий год вы пережили ужасные события, когда на вас охотились головорезы с оружием в руках, когда вы отрывали сосуд, заполненный останками жертвы и закопанный серийным убийцей, и, наконец, последнее по списку, но не по значению, когда вы дискредитировали президента Соединенных Штатов.

– Угадай, что я сделал? – сказал Брэд, поправив галстук.

– Что? – поинтересовалась Гинни, завершая макияж.

– Заказал на восемь вечера столик в «Бистро Бис».

– По какому случаю?

– Прошло полгода с тех пор, как меня никто не пытается убить и ни один репортер не добивается интервью со мной.

– Неужели столько времени?

– Да. Интересно, стал я наконец снова никому не нужен?

– О, Брэд, – проворковала Гинни. – Ты никогда не перестанешь быть нужным мне.

Брэд рассмеялся:

– Полагаю, я еще могу общаться с человеком, который считает меня Богом.

– Так далеко я не захожу.

Брэд чмокнул Гинни в щеку:

– Пойдем. Может, для тебя нет ничего лучшего, как красоваться перед зеркалом по утрам... Я же очень занятой человек.

Посетители Верховного суда первоначально пересекают площадку, выложенную серо-белым мрамором, затем поднимаются по широкой лестнице из пятидесяти трех ступеней к рифленым коринфским колоннам, поддерживающим портик, и входят в помещение высшего

суда страны сквозь пару великолепных бронзовых дверей, украшенных восемью панелями, запечатлевшими сюжеты «Эволюции правосудия». Брэд Миллер и другие судебные клерки проходят на работу через другую мраморную площадку, примыкающую к черному входу в здание, и входят через служебный подъезд, что на Секонд-стрит. Набрав свой код, Брэд минует небольшой столик, за которым сидит охранник. Тот не спрашивает удостоверения, поскольку знает каждого служащего в лицо.

С первого дня у Брэда сложилось ощущение, что все, относящееся к Верховному суду, *очень* серьезно. Куда бы он ни глянул, везде видел монументальность мрамора, солидность темного дерева. Ни единого признака архитектурных вольностей! Даже атмосфера здания воспринималась как тяжелая. А клерки... Их было тридцать шесть, и в большинстве своем коллеги напоминали людей, согласившихся бы назваться перфекционистами.

Многие из этих клерков считали Брэда в некотором роде типажом экзотическим, экспонатом карнавального шоу. Ведь он не принадлежал ни к Фи Бета Каппа (привилегированное общество студентов и выпускников колледжей), не учился он и в престижном колледже или на знаменитом факультете права, не работал клерком при судье федерального апелляционного суда. С другой стороны, ни один из коллег не смог дискредитировать президента Соединенных Штатов. Брэд чувствовал себя неловко среди этих юридических гениев, хотя некогда был редактором юридического обозрения в своем рядовом правовом колледже. Он нервничал, когда высказывал свое мнение по правовым вопросам перед судьей Мосс, опасаясь упустить то, что с легкостью заметила бы выпускница Гарварда. Но Мосс, кажется, была довольна работой Брэда, и он пользовался доверием босса. На прошлой неделе она похвалила его за составленный меморандум. Судья была скупа на похвалы, и ее одобрение приподняло его во мнении о себе.

Рабочий день Брэда был занят обоснованием решений за и против, написанием судебных докладных записок, которые помогали судье Мосс готовить дела для заслушивания в судах. Он составлял меморандумы, комментирующие заключения других судебных инстанций, представлял рекомендации принять или отклонить апелляции на решения судов низших инстанций, обсуждал с судьей срочные обращения, которые часто представляли собой поданные в последнюю минуту просьбы отложить казнь.

Темпы работы в суде никогда не снижались, и жонглирование важными поручениями семь дней в неделю было очень утомительным. Благо в этом здании размещались также тренажерный зал, кафетерий, парикмахерская и другие объекты обслуживания, которые позволяли ухаживать за собой, перекусывать или переключиться на спорт, то есть заниматься тем, что нормальные люди делают обычно вне работы. Так что Брэд не жаловался. Он мог работать как лошадь, и сознание своей причастности к решениям, формирующим историю Америки, воодушевляло.

В помощь судье Мосс были определены четыре клерка. Брэд делил кабинет, примыкавший к офису судьи, с Гэрриет Лезак. Странноватая особа, она не следила за собой. Возникло впечатление, что к черным вьющимся волосам Гэрриет никогда не прикасался гребень, а высокая, жилистая фигура стала результатом пренебрежения питанием и увлечения бегом на длинные дистанции. Брэд постоянно боролся с желанием согнать ее с места. Интересно, покидала ли она когда-нибудь здание суда по каким-нибудь делам, кроме своих пробежек на длинные дистанции? Начало работы клерков не регламентировалось определенным временем, но Брэд чувствовал потребность приходить пораньше. Когда бы он ни приходил, Гэрриет всегда сидела за своим письменным столом и очень редко уходила с работы раньше его. Брэд считал ее новой разновидностью вампира, который вместо человеческой крови питается правовыми изысканиями.

Комната Брэда и Гэрриет представляла собой одно из нескольких помещений для клерков, расположенных вдоль коридора первого этажа. Это был небольшой кабинет, где едва могли разместиться два письменных стола. Спасительная благодать исходила лишь от высокого, от пола до потолка, окна, которое давало много света, и от лицезрения внутреннего двора с цветами и фонтаном на другой стороне холла, которые можно было разглядеть, когда дверь была открыта.

– Доброе утро, Гэрриет, – поздоровался Брэд.

Глаза Гэрриет были прикованы к монитору компьютера, она просто махнула ему рукой вместо ответа.

– Босс на месте?

– Ждет эту докладную записку, – рассеянно ответила Гэрриет, манипулируя мышкой. Зажужжал принтер, Гэрриет, стоя над ним, нетерпеливо постукивала пальцами по бедру. Когда механизм завершил работу, Гэрриет схватила бумаги, которые он выдал, и помчалась к соседней двери.

Глава 5

Каждому члену суда полагалось трехкомнатное помещение, отделанное дубовыми панелями, состоявшее из личного кабинета судьи и двух комнат для персонала. Сорокалетняя афроамериканка Кэрри Харрис, секретарша судьи Мосс с самого ее назначения в федеральный апелляционный окружной суд второй инстанции, сидела на страже двери офиса судьи.

– Она может меня принять? – спросила Гэрриет.

– Ждет эту докладную записку, – ответила Харрис, кивая на кипу бумаг в руке клерка.

Гэрриет слегка нажала суставами пальцев на дверь. Судья Мосс сидела за большим письменным столом из красного дерева и знакоилась с делом. Она оторвалась от чтения и поманила Гэрриет.

В кабинете судьи имелся камин, и незаметная дверь вела в ванную комнату. Значительную часть пространства стены кабинета занимали сборники «Отчетов Соединенных Штатов», содержавшие судебные решения. На оставшейся поверхности стен разместились написанный маслом портрет бывшего судьи Таргуда Маршалла, фотографии, сделанные во время бесед судьи Мосс со священником Мартином Лютером Кингом-младшим. Имелись также обрамленные копии ее заключений по апелляциям, касающимся судьбоносных дел Верховного суда, по которым она выносила приговоры, и цитата в розовой рамке, свидетельствовавшая о наличии у судьи чувства юмора. Цитировалось мнение судьи Брэдли, совпадавшее с позицией большинства состава суда по делу 1872 года «Брэдуэлл против штата Иллинойс», по которому Верховный суд постановил, что некоей Мире Брэдуэлл следует отказать в праве юридической практики из-за того, что она женщина.

«...Гражданское право, как и сама природа, всегда признавало большое различие в соответствующих сферах и судьбах между мужчиной и женщиной, – отмечал судья Брэдли. – Естественная мягкость и деликатность, присущие женскому полу, делают его явно непригодным для многих профессий гражданской жизни. Домашняя сфера... справедливо входит в круг обязанностей и функций женщины...»

«...Вечная судьба и миссия женщины заключаются в выполнении благородных и благотворных обязанностей жены и матери...»

Мосс выглядела крепкой, пусть и поседевшей женщиной, и больше походила на мудрую чернокожую бабушку, чем на одного из самых могущественных судей Соединенных Штатов. Подлинный возраст судьи хранился в глубокой тайне, а на вопрос о возрасте она отвечала: «Не ваше дело», что вызвало взрыв смеха на слушаниях по поводу ее утверждения на должность.

Те, кто не были знакомы с биографией судьи Мосс, с удивлением узнавали, что она проводила время с группами подростков в бедных кварталах Нью-Йорка, прежде чем поняла, что ее надежды на лучшую жизнь станут реальнее, если она покинет гетто.

Мосс не имела представления о том, кем был ее отец. Мать родила ее в подростковом возрасте дома, а вырастила бабушка, после того как мать умерла от передозировки наркотиков. Став первым членом семейства, учившимся в колледже, она платила за обучение в городском колледже Нью-Йорка благодаря тому, что выполняла черную работу, которая оставляла мало времени на учебу. Но даже в таких условиях успеваемость позволила ей получить грант на обучение на юридическом факультете Колумбийского университета, который она закончила в числе пяти лучших выпускников. К сожалению, профессия юриста в середине шестидесятых годов открывала мало возможностей для женщины, особенно цветной. Чувство возмущения в связи с тем, что она выполняла обязанности секретарши, в то время как мужчины ее уровня образования имели крупные заработки на Уолл-стрит, погнало ее в глубинку южных штатов, где она использовала свои юридические способности, чтобы помочь священнику Кингу. В

молодости Мосс была чрезвычайно привлекательной, ходили слухи – так и не получившие подтверждения, – что у нее с Кингом была любовная связь.

Убийство Кинга погрузило Фелицию Мосс в глубокую депрессию, но побудило ее перейти из движения борьбы за гражданские права на Уолл-стрит, где она стала знаковой фигурой афроамериканского происхождения в известной юридической фирме, стремящейся очистить свой имидж. Она работала там четыре года, в течение которых постепенно прониклась идеями движения за права женщин. Две победы Американского союза гражданских свобод в Верховном суде, которым она безвозмездно способствовала, создали ей хорошую репутацию в юридических и академических кругах. Покинув Уолл-стрит, Мосс занималась преподаванием в своей альма-матер до тех пор, пока Джимми Картер не назначил ее в федеральный районный суд. Президент Клинтон повысил ее уровень до статуса судьи апелляционного суда второй инстанции, а президент Нолан довел юридическую карьеру мисс до назначения судьей Верховного суда.

– Это моя памятная записка по делу «Вудраф против штата Орегон», судья, – сказала Гэрриет, сев напротив босса.

Судья просматривала анализ дела, пока клерк терпеливо ожидала ее реакции.

– Так, ты полагаешь, что нам не нужно истребование дела? – спросила Мосс, закончив чтение.

– Нет, не нужно, – убежденно сказала Гэрриет. – Возьмем двукратное привлечение к ответственности. Это не тот случай. Да, Сара Вудраф дважды пыталась убить Джона Финли, но первое дело было прекращено.

– После того как было избрано жюри присяжных, а она прошла наполовину унижительную процедуру суда, потому что власти скрывали от защиты решающие факты.

– Что они имели право делать, – уточнила Гэрриет. – Вудраф утверждает, что ее дело особое, но ведь она отдельное лицо. Защита всех граждан перевешивает права отдельного гражданина.

– Тебе не кажется, что применение положения о неразглашении государственной тайны должно изучаться более основательно, когда подсудимому грозит смертная казнь?

– Нет, не кажется. Характер обвинения не имеет никакого отношения к обоснованию этого неразглашения.

Мосс обсуждала с Гэрриет дело Вудраф еще несколько минут, затем прекратила разговор, когда заметила, что приближается время встречи с другими судьями.

– Ладно, я прочту твою записку более тщательно. Похоже, ты проделала работу хорошо. А сейчас – брысь. Мне нужно готовиться к встрече. Попроси Кэрри принести мне чашечку кофе. Я очень нуждаюсь в кофеине по утрам.

Гэрриет закрыла за собой дверь, судья Мосс нахмурилась. Лезак – светлая голова, но она слишком рационалистична. Ее записка по делу Вудраф, как и прочие работы, оригинальна, но сводится к заключению «закон есть закон». Закону не повредит, если ему время от времени вводить инъекцию гуманизма. Поработав с Лезак полгода, судья пришла к выводу, что Гэрриет не хватает душевной чуткости.

Мосс вспомнила о Брэде Миллере и улыбнулась. В обладании четырьмя клерками было свое преимущество. Каждый из них приносил ей на стол что-то свое. Брэд был столь же компетентен в области права, как Айви Лигерс, даже если он и не уверовал в то, что отличается в лучшую сторону в подходе к судебным делам от мальчишек из юридических колледжей высшего уровня. Его беспокоили судьбы людей, проходивших по делам. Временами его эмоции брали верх над логикой, но судья могла разобраться в этом. Приятно работать со здравомыслящим молодым человеком, который наделен изрядным чувством сопереживания.

Мосс вновь взглянула на часы и вздохнула. Не время было предаваться мечтам. В деле Вудраф было много сложных проблем, и она совершенно не знала, как будет их решать. Наде-

ялась, что решит их согласно морали и праву, но бывали времена, когда мораль и право диктовали иной исход. Как конечный арбитр закона в этой большой стране, она была обязана следовать его положениям и прецедентам, даже когда сердце влекло ее в обратном направлении.

Глава 6

Единственное, что продлевает жизнь многих заключенных, сидящих в камерах смертников, – это прошение об истребовании дела, которое, если удовлетворено, обязывает суд последней инстанции заслушать просьбу подателя прошения о передаче дела на рассмотрение Верховного суда. Дважды в неделю груды новых петиций циркулируют в офисах судей, где судебные клерки пишут меморандумы с рекомендациями удовлетворить или отказать в прошении. Верховный судья рассылает «перечень вопросов для обсуждения», который включает дела, заслуживающие внимания. Каждый член судейской коллегии может добавить в этот список другие дела.

Решения удовлетворить или отказать подателям тысяч петиций, наводняющих суд каждый месяц, принимаются в отделанном дубовыми панелями конференц-зале, который примыкает к офису верховного судьи. В заседании принимают участие только судьи. Никакие другие представители судебных инстанций, включая клерков – помощников судей, туда не допускаются. Конференц-зал освещается люстрами или естественным светом через окна. По бокам окон размещаются полки, заполненные отчетами о судебных решениях. Над камином из черного мрамора висит мрачный портрет Джона Маршалла. Четвертый верховный судья Соединенных Штатов наблюдает сверху, как его потомки-юристы занимают предназначенные для них места за длинным столом из красного дерева, на поверхности которого лежат заточенные карандаши и желтые судебные блокноты.

Член судебной коллегии Фелиция Мосс вошла, хромая, в конференц-зал, опираясь на эбонитовую палку с серебряной рукояткой. Палку подарили ей помощники судьи по случаю ее возвращения на работу после операции протезирования тазобедренного сустава, произведенной тремя годами ранее. Судья Мосс расположилась в одном из кресел из черной кожи с высокой спинкой, которые окружали стол конференц-зала. Она заметила, что присутствовали все, кроме Рональда Чалмерса. Как только она уселась, верховный судья Оливер Бейтс кивком подал знак. Самый молодой из судей, Уоррен Мартинес, притворил дверь. Верховный судья начал заседание.

– Отсутствует Рон, – вмешалась Мосс.

– Извини, Фелиция, – понизил голос верховный судья, – я всех предупредил до твоего прихода. Рон задержится, и просил нас начать без него.

Мосс нахмурилась.

– Что с ним? Он не пропускал ни одного заседания, с тех пор как я работаю в Верховном суде.

– Он не сообщил мне, в чем дело. Просто сказал, чтобы мы работали без него, так что начнем. Нам нужно многое обсудить.

В течение следующего часа судьи рассмотрели судьбу нескольких ходатайств об истребовании дел, перед тем как перейти к делу «Вудраф против штата Орегон». Напротив Мосс сидел бочкообразный, широкоплечий Миллард Прайс, бывший председатель Ассоциации американских адвокатов, заместитель генерального атторнея² США и ведущий компаньон фирмы «Рэнкин, Ласк, Карстерс и Уайт». Прайс обладал легким характером и всегда был готов разрядить шуткой напряженную атмосферу, но Мосс показалось, что в это утро он выглядит весьма раздражительным. Как только верховный судья назвал дело, Прайс подался вперед.

Уоррен Мартинес попросил возможность дать ему высказаться об этом деле и объяснил мотивы, по которым считает, что прошение о его истребовании должно быть удовлетворено.

² Атторней – в США государственное должностное лицо, осуществляющее расследование преступлений и выполняющее функции обвинителя в суде.

Верховный судья Бейтс и Кеннет Маццарелли возражали против удовлетворения ходатайства. Судья Мосс заняла выжидательную позицию и решила держать свое мнение при себе. Миллард выступил одним из последних.

– Все это пустая трата времени, – заявил он. – В данном случае я не вижу оснований для удовлетворения ходатайства.

Мосс удивила столь жесткая позиция Прайса в таком важном деле. Судья по многим вопросам придерживался консервативных взглядов, но отличался умеренностью в социальных вопросах, а также справедливостью и непредубежденностью в делах со смертным приговором.

– Аргумент о двойной ответственности легковесен, – продолжал Прайс. – Когда Вудраф обвиняли в убийстве Финли в первый раз, дело прекратили из предубеждения. В другой раз ее обвинили в связи с совершенно иными обстоятельствами.

– Но ведь именно власти несут ответственность за ее обвинение в первом случае, – возразил Мартинес.

– Это определенно напоминает случай с Брейди, – присоединилась к дискуссии судья Мэри Энн Дэвид. – Власти были обязаны обеспечить защиту оправдательными материалами, находившимися в их распоряжении. Я не думаю, что соображения национальной безопасности могут быть выше этой обязанности, особенно когда ставкой является жизнь подсудимого.

– Такое мнение основано на предположениях и теории заговора, но не на фактах, – выпалил в ответ Прайс.

Он казался обескураженным, и Мосс находила это странным. Обычно Миллард аргументировал спокойно и обоснованно. Этот выпад был совершенно для него нехарактерным.

Перед тем как дискуссия смогла продолжиться, дверь открылась и в конференц-зал вошел Рональд Чалмерс – подавленный, с опущенными плечами.

– Рад, что ты присоединяешься к нам, Рон, – приветствовал его верховный судья Бейтс.

– С поля для гольфа? – спросил с улыбкой Мартинес. Чалмерс был заядлым игроком в гольф.

– Прошу меня извинить, – сказал Чалмерс.

Его голос показался Мосс безжизненным.

– Я только что вернулся из Белого дома. Подаю в отставку из Верховного суда.

Его слова ошеломили судей.

– Сожалею, что вывалил все на вас так неожиданно, но сам не знал этого до вчерашнего полудня. У Вивиан болезнь Альцгеймера. Пока на ранней стадии, поэтому она...

У Чалмерса перехватило дыхание, и он собрался с силами, чтобы продолжить.

– Мы едем в Европу, пока она еще способна перенести поездку. Я откладывал наше путешествие некоторое время, но больше нельзя.

Судья Мосс подошла к своему другу и коллеге, обняла его. Другие судьи собрались вокруг.

– Сожалею, – сказала Фелиция, – я могу что-нибудь сделать для тебя?

– Не тревожься, – устало ответил Чалмерс. – Я хочу проводить время, насколько возможно, рядом с Вивиан. И не смогу совмещать это с работой в суде.

– Когда вы отправляетесь в Европу? – спросила Мэри Энн Дэвид.

– Я поручил нашему турагенту узнать все подробности. Это будет очень скоро.

– Вивиан принимает посетителей? – продолжала судья Дэвид.

Чалмерс улыбнулся:

– Думаю, ей хотелось бы.

– Я приду сегодня вечером.

Судьи поговорили еще несколько минут. Затем Чалмерс откланялся.

– Боже, как это ужасно, – произнес Бейтс.

– Не представляю, что ему приходится переживать, – сказал самый молодой судья, Мартинес.

Восемь оставшихся членов суда продолжали говорить о своем друге, пока не вмешался Миллард Прайс:

– Не хочу показаться черствым, но пора вернуться к работе. Требуется четыре голоса, чтобы удовлетворить прошение об истребовании дела. После ухода Рона не думаю, что наберется четыре голоса в пользу дела Вудраф, поэтому предлагаю отклонить прошение.

Нескольких судей шокировала черствость Прайса. Другие рассердились.

– Еще ничего не решено, Миллард, – сказал Мартинес. – Не думаю, что сейчас подходящее время принимать поспешное решение по делу, которое нас так взволновало.

– Разве здесь не все голоса? – возразил Прайс. – Можно провести голосование, но я не думаю, что пройдет решение об истребовании дела.

– Я не собираюсь торопиться с голосованием в таких условиях, – заявила судья Мосс. – Мы не знаем, как проголосует преемник Рона, и я не уверена, как проголосую сама. Я утверждаю, что мы осуществим право согласно двадцать восьмой статье Кодекса законов США, раздел один, отложив голосование в данных условиях.

С этим согласились несколько других судей. Верховный судья Бейтс сказал:

– Мне хотелось бы, чтобы вы подняли руки. Сколько из вас за то, чтобы отложить решение по делу Вудраф?

Семеро из восьми судей подняли руки, воздержался только Прайс.

– Ладно, – сказал Бейтс. – Давайте прервемся на двадцать минут, чтобы освежить головы.

Мосс хотела поговорить с Прайсом о его поведении, но тот стремительно вышел из конференц-зала.

– Что это было? – спросил Фелицию Кеннет Маццарелли, устремив взгляд в спину удаляющемуся Прайсу. Это был упертый консерватор, не раз споривший с Фелицией по правовым вопросам, но вместе с тем весьма любезный коллега.

– Не знаю. Миллард обычно так не горячится при обсуждении наших дел.

– Может быть, он плохо выспался прошлой ночью, – покачал головой Маццарелли. – Бьюсь об заклад, Рон не спал вовсе. Бедняга.

Мосс позволила Маццарелли переключить разговор с Прайса и дела Вудраф на другие темы, но не могла не размышлять о чрезмерно эмоциональной реакции судьи Прайса.

Глава 7

Деннис Мастерсон неудобно изогнулся, стараясь не закапать костюм, когда нес чашку кофе к одному из огромных – от пола до потолка – окон в своем просторном угловом кабинете. Он был самой значительной фигурой среди компаньонов «Рэнкин, Ласк...», и по заслугам, поскольку считался влиятельнейшим лоббистом фирмы. Стены его кабинета, отделанные дубовыми панелями, свидетельствовали о его могуществе. Их украшали фото, изображавшие Мастерсона рядом со всеми важными персонами, которые проживали в течение последних тридцати лет внутри пространства, огороженного кольцевой автодорогой.

Большинство компаньонов крупных юридических фирм округа Колумбия работали в неизвестности, их узнавали только члены частных загородных клубов, законодатели и политические назначенцы, чьи интересы они лоббировали. Мастерсона же знали все американцы, следившие за вечерними новостями или слушавшие политические ток-шоу. Нападающий в команде по американскому футболу в Дартмуте и редактор обозрения по правовым вопросам в Йельском университете, он поступил на работу в фирму «Рэнкин, Ласк...» после двух поездок во Вьетнам. Семь лет назад Мастерсон взял отпуск для работы директором ЦРУ. Три года назад случился весьма неприятный инцидент в Афганистане, и Мастерсон вновь вернулся в фирму «Рэнкин, Ласк...», когда президент в поисках козла отпущения попросил его уйти в отставку. Мастерсон хотел было воспротивиться, но частный сектор сулил много денег, и перспективам его бизнеса не повредило бы то, что лидер свободного мира был обязан ему оказанной услугой.

Мастерсон выглядел импозантным мужчиной, патрицием, рожденным для богатства. Обладая снежной белизны шевелюрой и глазами цвета стали, он был воплощением мудрости и искренности, идеальным гостем для любого телевизионного ток-шоу. За время работы в ЦРУ он стал виртуозным оратором, опытным функционером, словом, незаменимым представителем учреждения для дачи показаний перед комиссиями конгресса. Связи Мастерсона в сферах обороны и разведки сделали его незаменимым для фирмы.

Зазвонил мобильник Мастерсона, доступный только ему и никому другому. Номер этого особенного телефона знал лишь один человек, и только он мог связаться с Мастерсоном, чтобы сообщить важные вести.

– Заседание только что закончилось, – произнес голос с другого конца линии, – кое-что произошло. Судья Чалмерс ушел в отставку, у его жены болезнь Альцгеймера и...

– Я знал это два часа назад, – прервал Мастерсон собеседника. – Что с прошением по делу Вудраф?

– Оно еще в стадии обсуждения.

Мастерсон выругался.

– Миллард не смог его закрыть?

– Он пытался, но вмешалась Мосс и убедила других отложить голосование.

– Каково соотношение голосов?

– Судьи Дэвид и Мартинес за истребование дела. Мосс не определила свою позицию, но, по мнению Прайса, она склоняется к голосованию за.

– Слава богу, что у Чалмерса болеет жена. Если Мосс – за, то он был бы четвертым.

Мастерсон умолк. Собеседник терпеливо ждал.

– Надо установить в кабинете Мосс подслушивающее устройство. Мы должны знать, к чему она склоняется.

– Я займусь этим.

Мастерсон выключил мобильник и переключил внимание на то, что делается вокруг его офиса. Внизу на улицах сновали взад и вперед люди, совершенно не представлявшие себе,

кто правит миром. Сверху они выглядели муравьями, и Мастерсон смотрел на них с такой же неприязнью, с какой смотрел на прочих насекомых. Из миллиардов людей на земле что-либо значили только немногие, и среди них – он сам. Но многое может измениться, если дело Сары Вудраф не будет погребено в конференц-зале. Сейчас все обстоит так, будто история Вудраф является еще одним криминальным делом из захолустного штата, известного лишь своими экологами, живописными горами и кроссовками. Мастерсону нельзя было идти на риск того, чтобы из-за истребования дела началось исследование его Верховным судом. Дело Вудраф не должно всплыть на поверхность. Мастерсон приложит максимум усилий, чтобы утопить его основательно.

Глава 8

Кафетерий Верховного суда открыт для посещения широкой публики, но клерки перекусывают в отдельной секции, дверь которой всегда закрыта. Поэтому они могут обсуждать судебные дела свободно, не опасаясь подслушивания. Предварительное разглашение, например, того, как решится судебное дело, чревато разного рода неприятными последствиями, и клеркам с первого дня внушают необходимость держать язык за зубами. Брэд никогда ни с кем не обсуждал свои дела, но и его босс судья, коллеги-клерки и Гинни были не настолько глупы, чтобы спрашивать об этом.

Брэд в одиночку уплетал ранний завтрак в той самой секции кафетерия, когда к месту за столиком напротив него принес поднос высокий, статный мужчина с военной стрижкой.

– Не возражаете, если я сяду за ваш столик?

– Пожалуйста, садитесь, – ответил Брэд.

Мужчина лет под сорок выглядел староватым для клерка, и Брэд пытался угадать, не обычный ли это посетитель, который забрел в секцию клерков по ошибке.

– Вы Брэд Миллер? – поинтересовался незнакомец и поставил поднос на стол.

Брэд напрягся, ожидая вопросов по делу Фаррингтона.

– Вашу невесту зовут Гинни Страйкер, верно?

– Вы знаете Гинни? – спросил Брэд, испытывая облегчение оттого, что ему не будут досаждать неуместным любопытством по сложному делу.

– Кайл Петерсон, – представился незнакомец, – совладелец фирмы «Рэнкин, Ласк...».

Увидев испуганное выражение лица Брэда, Петерсон рассмеялся:

– Не тревожьтесь. Я временно помогаю судье Прайсу, пока он не наймет кого-нибудь вместо Фрэнка Шепарда.

Брэд сразу успокоился.

– Это ужасно, – вздохнул он.

Брэд встретился с Фрэнком в первую неделю своей работы в суде. Всех клерков потрясло известие о том, что он получил тяжелое увечье в дорожно-транспортном происшествии.

– Никогда не видел его, но слышал, что он отличный парень, – сказал Петерсон.

– Именно. Но как вам досталось его место?

– Я помогал судье Прайсу, когда начинал работу в «Рэнкин, Ласк...», и мы сохранили контакты после его перехода в Верховный суд. Ему удобно со мной, и он доверяет мне. Фирма сочла, что мне не повредит поработать здесь, поэтому... – Петерсон пожал плечами.

– Вы знакомы с Гинни? – спросил Брэд.

– Мы делаем вместе один проект. Когда судья Прайс попросил меня подменить его помощника, я сообщил ей об этом, а она сказала, что вы здесь работаете. Я помню ваше имя и внешность из газет и телевидения.

– Это мое проклятие.

Петерсон засмеялся:

– Тогда зачем вы работаете клерком?

– Мне в самом деле нравится эта должность. Почетно сотрудничать с судьей Мосс, работа интересная и важная. Нагрузка временами чрезмерная, но меня устраивает мое положение.

– Да, находиться здесь престижно, и вы сможете найти хорошее место, когда тут надоест. Могли бы подумать о «Рэнкин, Ласк...»... Хотя не знаю, принимает ли фирма в свой штат супружеские пары.

– Я уже работал в Орегоне в крупной фирме и не хотел бы заниматься этим снова. Вот если бы в министерстве юстиции или, может, в сенате либо в палате представителей.

– С этим не должно быть проблем. Бьюсь об заклад, у судьи Мосс уйма связей. А вот насчет вашего босса... Вы не в курсе, что она сделала в конференц-зале? Миллард так обескуражен.

– Не знаю, – осмотрительно ответил Брэд.

– Это, кажется, касается петиции по делу Вудраф.

– Я не имел отношения к этому делу, а судья никогда не обсуждает то, что происходит в конференц-зале.

– М-да, что-то его расстроило. Обычно он довольно добродушный человек. Вы случайно не знаете, как она собирается голосовать по петиции? Его настроение может быть связано с этим.

– Я уже говорил, что не занимался этим делом и судья ничего не говорила мне о нем. Я даже не знаю, какого характера это дело.

– Босс явно расстроен, – повторил Петерсон. Затем он откусил от своего бутерброда. Брэд сделал то же самое. – Значит, вы работали в Орегоне, – продолжил Петерсон, не прекращая жевать. – Я там никогда не был, но слышал, что это прекрасное место...

В библиотеке на верхнем этаже здания Верховного суда все казалось волшебным: стены, богато отделанные дубовыми панелями, роскошные красные ковры, освещаемые огромными люстрами, и длинные столы с полированной поверхностью, за которыми удобно писать и заниматься исследованиями. Для Брэда Миллера вовсе не было необычным блуждать взглядом по потолку с лепниной или по барельефам, символизирующим право, науку и искусство, которые украшали семь огромных арок с каждой стороны библиотечного зала.

В противоположность этому, в тренажерном зале, расположенном над библиотекой, не было ничего завораживающего. Несколько узких лестниц вели в вытянутое бесцветное помещение, заполненное тренажерами, стационарными велосипедами и другими образцами тренировочной техники. Рядом с тренажерным залом находился баскетбольный корт, метко прозванный «Верховным кортом страны» (слово «корт» звучит на английском так же, как «суд»), который был ареной многих вдохновенных игр блестящих атторнеев, готовых обменять свои причудливые степени на шанс сыграть в Национальной баскетбольной ассоциации.

Этим вечером Брэд оказался на корте единственным игроком. Используя один из своих коронных финтов, он обошел воображаемого Коби Брайанта из «Никс», прежде чем произвести бросок с линии над вытянутой рукой Шакила О'Нила. К сожалению, мяч отскочил от железного обода корзины, что стоило в свое время «Никсам» участия в чемпионате Национальной баскетбольной лиги. Брэд выругался и уныло потрусил к стене за мячом.

– Неплохая форма.

Брэд повернул голову и увидел привлекательную брюнетку примерно его роста, в шортах и спортивном лифчике, наблюдавшую за ним из проема двери, разделявшей баскетбольный корт и тренажерный зал. Проходя через зал, Брэд видел краем глаза, как она со сосредоточенным выражением лица сутулилась на одном из стационарных велосипедов, словно финишировала на самом напряженном этапе соревнований «Тур де Франс».

– Вы играли в баскетбольных состязаниях колледжей?

– В юниорской команде, – ответил он, не в силах солгать, хотя и хотелось. – Я никогда не годился для основной команды колледжа.

– Дайте мне эту штуку, – сказала женщина.

Брэд перекинул ей мяч. Она погладила по его шершавой поверхности, прежде чем сделать бросок с того же места, откуда бросал Брэд. Мяч опустился в сетку корзины, не задев обода.

– Здорово! – воскликнул Брэд, восхитившись неожиданной грацией движений женщины.

Она рассмеялась. Затем подняла мяч и подошла к Брэду. По мере ее приближения Брэд осознал, что она не просто привлекательна, но весьма сексуальна, если принять во внимание обнаженный участок тела от груди до талии и длинные точеные ножки.

– А вы играли в колледже?

– Была разыгрывающей в Массачусетском технологическом институте.

«Понятно», – подумал Брэд, чувствуя себя еще менее адекватным, чем прежде. Он был приличным теннисистом в колледже и мог утешаться мыслью, что был лучше развит атлетически, чем его коллеги-клерки, даже если уступал им в интеллекте. Эта же женщина-клерк не только превосходила его в умении играть в баскетбол, но также имела ученую степень МТИ.

Женщина протянула руку:

– Вильгельмина Хорст. Имя ужасное. Все называют меня просто Вилли. Возможно, вы не помните, но мы встречались на «Счастлимом часе», – улыбнулась она, имея в виду совместные вечеринки, которые устраивались по очереди каждой судебной палатой, на которых клерки знакомились друг с другом, поглощая пиво и бутерброды.

– Ах да, – произнес Брэд, стараясь скрыть неловкость, которую чувствовал, находясь в непосредственной близости от очень привлекательной полуобнаженной женщины, а также из-за чувства вины за влечение к ней, в то время как он был помолвлен. – Я не узнал вас без униформы.

Вилли улыбнулась:

– Возможно, на мне были тогда очки. Пользуюсь контактными линзами, когда не хочу выглядеть судебным клерком.

– Брэд Миллер.

– Да, знаю. Президентский парень. Вы знамениты.

Брэд покраснел.

– Не хотелось бы. Поверьте, статус знаменитости не то, чем кажется. На самом деле это большая неприятность.

– Ну что вы. Компрометация президента – это кайф.

– Не совсем. Большею частью я находился в состоянии страха... Но с кем вы работаете? – спросил Брэд, стремясь сменить тему разговора. Вилли не первый клерк из тех, что допытывались у него подробностей о фаррингтонском скандале.

– С Миллардом Прайсом. Вы помогаете судье Мосс, верно?

Брэд кивнул.

– Мой босс обижен на нее.

– Да?

– Его расстроило, кажется, поведение Мосс во время обсуждения петиции Вудраф в конференц-зале.

Брэд напрягся. Хорст – вторая из клерков Прайса, которая заговорила с ним о Вудраф.

– Что же она сделала? – спросил он.

– Не знаю. Он что-то бормотал о судье Мосс, когда вернулся в офис, и выглядел обеспокоенным. Ваш босс не говорила о Вудраф, когда пришла из конференц-зала?

– Мне – нет. Я не занимался этим делом. Не знаю даже, о чем оно.

Вилли смотрела прямо в глаза Брэду, заставляя его еще больше нервничать. Затем она бросила ему мяч:

– Сыграем один на один?

Голос Вилли прозвучал более глухо, чем раньше. Брэд почувствовал какое-то шевеление ниже пояса и попытался успокоиться. Он взглянул через плечо Вилли на часы. Было почти восемь вечера.

– Мне нужно идти. *Невеста*, видимо, захочет поужинать со мной.

– Тогда, может, в другой раз? – спросила Вилли. Ее голос звучал многообещающе. Она явно равнодушно отнеслась к сообщению Брэда о том, что у него есть невеста.

– Мне не следует, если я хочу сохранить достоинство, – ответил Брэд с нервным смешком. – Вы ведь мне дадите пинка под зад.

Вилли улыбнулась. Было бы забавно это сделать.

– Скажите, это правда, что офис судьи Мосс завален интересными памятными вещами о ее участии в движении за гражданские права?

– Правда.

– Вы, случаем, не можете показать мне это как-нибудь вечером, когда она уйдет?

– Мм, видимо, смогу.

– Отлично.

– Мне действительно надо идти. Гинни, вероятно, умирает от голода.

– Понятно. Буду рада снова поговорить с вами.

Брэд покинул тренажерный комплекс более вспотевшим, чем после тренировки. Вопросы о Вудрафе настораживали. Здесь что-то было не так, и он решил при случае рассказать боссу о разговорах с клерками Милларда Прайса.

Быстро приняв душ, он направился в свой кабинет, чтобы позвонить Гинни.

– Ты готова ужинать? – спросил он, когда связался с ней.

– Рада бы, но «Генерал Цзо» первым предложил мне поесть.

– Брось ты эту еду навынос. Я буду у тебя через пятнадцать минут.

Гинни вздохнула.

– Не могу. Один из компаньонов выложил мне в шесть часов документ на стол и ждет к утру докладную записку. Ты помнишь, что это значит?

– К сожалению, помню, – сказал Брэд, перенесясь на мгновение в прежние дни работы в юридической фирме в Портленде.

– Люблю тебя, увидимся дома.

– Вероятно, ты слишком утомишься, чтобы предаться безумному сексу, – произнес Брэд полушутя и не избавившись еще от возбуждения после встречи с Вилли Хорст.

– И любому другому сексу.

Брэд рассмеялся:

– Шучу. Каюсь. Ты лучше всех.

Они симпровизировали поцелуй по телефону, и Брэд положил трубку. Он улыбался. Хотя Вилли Хорст и сексуальна, она все-таки не Гинни Страйкер.

Гинни повесила трубку и вздохнула. Перед ней лежал шестидесятистраничный контракт, настолько скучный, что заставит уснуть заядлого наркомана. Справа от нее стоит коробка жирных цыплят от «Генерала Цзо» с торчащими из нее палочками. Она бы все отдала за то, чтобы облачиться в свою пижаму, удобно устроиться на диване с любимым мужчиной и смотреть вместе с ним фильм по телеканалу «Тёрнер классикс». К сожалению, она должна тысячи долларов за студенческие кредиты на обучение и находила также необходимым, по некоторым странным соображениям, питаться и строить крышу над головой. Ах, если бы родиться принцессой или наследницей имущества промышленного магната! Жизнь определенно несправедлива.

Гинни взяла в рот кусочек цыпленка из коробки и запила его глотком кока-колы. Затем похлопала ладонями по щекам, чтобы взбодриться. Она осмыслила контракт чуть позже девяти и послала компаньону докладную записку по электронной почте в десять вечера. К этому времени офис компании «Рэнкин, Ласк, Карстерс энд Уайт» превратился в город-призрак, населенный группами уборщиков, молча передвигающихся по роскошным кабинетам компаньонов фирмы и спартанским помещениям сотрудников, которых, подобно Гинни, обременяли в последний момент поручениями хозяева-садисты.

Гинни была уже почти у лифта, когда услышала скрип тормозов, свидетельствовавший о прибытии машины. Из нее вышла женщина, которую сопровождал Деннис Мастерсон. Гинни не удивилась появлению Мастерсона с женщиной. Он имел заслуженную репутацию бабника. Едва поступив на работу в фирму, она узнала, что уже двум сотрудницам приходилось отбиваться от его приставаний. Гинни удивило лишь то, что женщина выглядела абсолютно ординарной особой. Она была одета в строгий бежевый деловой костюм. У нее было измученное выражение лица и поблекшие каштановые волосы. Лучше были глаза, безучастным взглядом которых она окинула Гинни. Так мог бы посмотреть компьютер, если бы имел зрение.

Проходя мимо Гинни в свой просторный кабинет, Мастерсон кивнул ей. Предположение Гинни, что женщина была одним из клиентов фирмы, сменилось недоумением, почему она должна встречаться с Мастерсоном в его кабинете в столь поздний час. Предположение о свидании она отвергла. Если бы Мастерсон собирался заняться любовью с этой женщиной, они встретились бы в номере отеля. Гинни слишком устала, чтобы продолжать думать о Мастерсоне и этой женщине. Они были забыты, как только двери лифта открылись в гараже.

Глава 9

Балморал, сонный городок колледжей, с населением примерно тридцать тысяч человек в северном Висконсине, был основан шотландскими эмигрантами, которые перебрались из Нью-Йорка на Запад в середине XIX века. Каждую осень население города более чем удваивалось, когда студенты Балморалского университета и юридического колледжа имени Роберта М. Лафоллета начинали осенний семестр, и снова увеличивалось, когда наступал сезон охоты и рыбалки. Для студентов Балморала популярное развлечение представлял собой пеший туризм. В комплект туриста входили карты, обозначающие походные тропы. Они начинались в различных пунктах местности вокруг турбаз и многих озер, которые можно было обнаружить в девственном лесу, окружавшем город и университет.

Дафна Хаггард, рыжеволосая, веснушчатая женщина с зелеными глазами, почему-то не обладала присущим подобным женщинам бешеным темпераментом. Когда Дафна прибыла в «город ветров», то есть Чикаго, после того как ее мужа приняли в аспирантуру Чикагского университета, она входила в пятерку офицеров полицейского отделения Чикаго, имеющих диплом университета Лиги Плюща, в которую входят старейшие университеты Новой Англии; это образование – эталон престижа и гарантия успешного будущего. В Балморал она переехала, когда мужа пригласили преподавать в местном университете историю. Ее полицейская карьера развивалась по восходящей линии, и решение переехать далось трудно, но не настолько, насколько трудными были для ее мужа усилия найти хорошую работу в достойном учебном заведении. Бретт занимал жалкую должность адъюнкт-профессора без всякой надежды на контракт пожизненного найма. Он подрабатывал преподаванием в местном колледже. Дафна любила мужа и была готова ради его счастья пойти на жертву.

Визитная карточка Дафны характеризовала ее как старшего инспектора по расследованию убийств полицейского отделения Балморала, но она часто занималась расследованием преступлений, не имевших ничего общего с убийством людей, потому что в Балморале было немного убийств, их раскрытие обычно не занимало много времени. Балморал никогда не был ареной дикого серийного убийства, никто не мог вспомнить обнаружение мертвеца в закрытой комнате страшного особняка. Раз или два в году какой-нибудь пьяница начинал чересчур сильно или часто избивать жену или драка в баре заканчивалась трагедией. Тогда Дафна производила аресты. Обычно происходили слезные признания, приходило много свидетелей, и опыт, который приобрела Дафна в полицейском отделении Чикаго, редко оказывался востребованным.

В субботу, сразу после полудня, в полицейское отделение Балморала поступил телефонный звонок от перепуганной студентки. Она сообщила, что натолкнулась в лесу, окружавшем турбазу, на часть расчлененного трупа. Дафна, еще один офицер и судебный эксперт встретили Тэмми Коул в начале тропы. Студентка была в шортах и спортивном лифчике. У нее был мертвенно-бледный цвет лица, а руки обхватывали тело, несмотря на теплую погоду. Дафна показала испуганной девушке свое удостоверение:

– Мисс Коул, я детектив Хаггард. Это офицеры Поллард и Маккол. Расскажите, что случилось?

Девушка сделала глотательное движение.

– Обычно в это время я долго брожу вокруг. В разных направлениях. Сегодня я решила прогуляться по этой тропе к речке, которая протекает неподалеку. Меня мучила жажда. Местами здесь густой подлесок, я споткнулась о корень и...

Коул замолчала и глубоко вдохнула.

– Не спешите, – посоветовала Дафна.

– Я вытянула руки, чтобы смягчить падение, – продолжила Коул, когда смогла говорить. – Почувствовала что-то мягкое, не похожее на землю. На нем сидели насекомые, и пахло тухлятиной.

– Что же это было?

– Пойдемте, покажу.

– Это человечина, – сказал Дуглас Маккол после краткого осмотра.

Бедренная кость предоставила Дафне единственное интересное дело, с тех пор как она переехала в Балморал, – шанс совершить реальную работу детектива, – но она подавила в себе азарт из опасения, что Маккол сочтет ее несносной.

– Мужская или женская? – спросила Дафна, сев на корточки рядом с ним.

– Трудно сказать. По семьдесят пять килограмм весят в округе многие мужчины и женщины, и их бедра выглядят одинаково после разложения, потому что они теряют волосы, а кожа, как в данном случае, зеленеет.

– Неужели нельзя определить, кого мы обнаружили? А ДНК?

– Можно обратиться в Службу поиска пропавших лиц. Она работает при министерстве юстиции и располагает базой данных для идентификации пропавших и неопознанных людей. Мы пошлем образец ткани в университет северного Техаса, где произведут тест на ДНК. Затем полученные данные поместятся в базу данных, сравниваются. Но это требует времени.

– Сколько времени?

– В особых случаях заключение можно получить довольно быстро, но, как правило, речь идет о трех месяцах, как минимум.

– Черт!

– Конечно, лучше всего было бы обнаружить остальное. Найди мне руку, и мы снимем с нее отпечатки, дай мне тазобедренную кость, и я определю пол жертвы.

Дафна пристально смотрела на серое вещество. «Кому ты принадлежишь?» – думала она про себя. Затем встала и огляделась. В нормальных условиях она нашла бы гармонию в журчании реки и густой зелени леса. Сегодня же лес стал зловещим местом, где могли быть спрятаны останки неизвестной жертвы.

Дафна набрала на своем мобильнике номер полицейского отделения. Хорошо, что сейчас было спокойное время года, поскольку ей понадобится немало помощников в поисках в лесу останков мистера или мисс Икс. Надо мобилизовать скаутов, добиться поисковых собак из полицейского управления штата. Словом, дел невпроворот.

Дафна кратко проинформировала шефа и сообщила, в чем нуждается. Лишь после выключения телефона она вспомнила о прогнозе. Надвигалась буря, первая в этом году. Если не найти быстро останки, завтра вечером они будут погребены под снегом.

Глава 10

Суд проводил заседание, поэтому Брэд не имел возможности поговорить с судьей Мосс до вечера. Когда он вошел в офис судьи, она в желтом судейском блокноте писала от руки проект судебного решения. Компьютер стоял на рабочем столе в углу комнаты, покрываясь паутиной, поскольку Мосс, утверждавшая, что принадлежит к старому поколению и не готова постигать новации, упорствовала в использовании карандаша и бумаги, как она привыкла делать большую часть своей юридической карьеры.

– Что вам нужно, мистер Миллер?

Брэд сел в черное кожаное кресло с высокой спинкой напротив босса.

– Произошло нечто странное, и я хочу, чтобы вы знали об этом.

Мосс отложила карандаш и обратилась в слух.

– Прошлым вечером я тренировался в зале, и Вильгельмина Хорст, одна из помощниц судьи Прайса, завела со мной разговор. Во время разговора она сказала, что Прайс был расстроен тем, что вы делали на совещании судей. Это касалось петиции об истребовании дела Вудраф. Затем она спросила, какое решение вы собираетесь принять по этому делу.

– И что вы ответили?

– Я сказал, что ничего не знаю о деле, что в самом деле правда. Я бы не придавал значения этому разговору, если бы в тот же день раньше, когда я завтракал, другой помощник Прайса, Кайл Петерсон, не спрашивал о том же. Я ответил ему сходным образом. Он оставил эту тему, но у меня сложилось отчетливое впечатление, что они пытались выведать у меня информацию о характере вашего голосования.

Судья Мосс нахмурилась, но хранила молчание. Брэд терпеливо ждал. Затем она бросила взгляд через стол.

– Судья Прайс и я разошлись во мнениях во время совещания, и он, вероятно, дал выход своему раздражению. Клерки, видимо, услышали. Благодарю за предупреждение, но для беспокойства нет оснований.

Брэд пошел на выход. Он был на полпути к двери, когда судья Мосс заговорила снова:

– Не говорите об этом больше никому, Брэд. Миллард, должно быть, не делился тем, что происходило в конференц-зале, и я не хочу, чтобы об этом знали.

– Не тревожьтесь. Я уже забыл обо всем.

Когда Брэд вошел в кабинет, там никого не было. Гэрриет не уходила с работы так рано, поэтому он предположил, что она отправилась на пробежку. Он продолжил работу над докладной запиской, выражающей его взгляды на правовые проблемы дела, которое ему поручили. Плотнот поработав три четверти часа, он взял передышку и напечатал часть записки. Затем влез в Интернет и набрал в Гугле имя «Миллард Прайс». Появился длинный перечень цитат, и он кликнул на биографию в Википедии. Первое, что попало ему на глаза, – это сообщение о давней дружбе Прайса с Деннисом Мастерсоном, компаньоном «Рэнкин, Ласк...», которого Брэд встречал на вечеринке в фирме в первую неделю работы в ней Гинни. С Мастерсоном в защите и Прайсом в полузащите дартмутская команда по американскому футболу выиграла чемпионат Лиги Плюща и удостоилась всех почестей лиги.

Их дружба продолжилась в Йельском университете, где они учились на юридическом факультете, и в «Рэнкин, Ласк...», где Прайс оказался после университета, в то время как Мастерсон завербовался служить во Вьетнаме. Прайс прервал работу в фирме для службы на посту заместителя министра юстиции, затем вернулся в фирму и работал там, пока президент Нолан не назначил его в Верховный суд.

– Что ты делаешь?

Брэд быстро обернулся, вздрогнув от неожиданного появления в кабинете Гэрриет. На ней был туго облегающий спортивный костюм, на лице еще не высох пот.

– Не подкрадывайся ко мне так, – пожурил ее Брэд.

– Прости. Это биография Милларда Прайса?

– Да.

– С чего ты решил читать о нем?

– Я читал биографии всех судей, – солгал Брэд. – Разве тебе не интересно, как они добились своего положения?

– Изучение биографий судей было частью моей подготовки, когда я устраивалась на работу.

– Ты обращалась только к одному судье или несколькими? – спросил Брэд, делая вид, что не заметил иронии. В отличие от других клерков, за исключением, может, Кайла Петерсона, Брэду предоставили работу в суде.

– Нет, только к судье Прайсу.

Брэд озадачился.

– Если ты ходатайствовала о работе перед судьей Прайсом, то почему ты здесь?

– Он нанял слишком много клерков. Произошел перебор. Поэтому он спросил судью Мосс, не возьмет ли она меня к себе, чтобы с ним осталась Вилли. Каждому судье положено иметь четырех клерков, у судьи же Мосс было только три, когда она приняла тебя. Меня она взяла в качестве услуги судье Прайсу, поскольку тот не хотел нарушать обещание принять меня на работу.

– Это было бы жестоко.

– Жестокостью было бросить меня ради этой шлюхи, – сказала Гэрриет с горечью.

– Вилли?

– Разве не ясно, почему ее приняли? Прайс разводился три раза, и у него всегда был один клерк с титками больше интеллекта.

– Хорст училась в Массачусетском технологическом институте.

– Это она тебе сказала?

– Она играла в институтской баскетбольной команде.

– Только в год поступления. Затем она перевелась в Массачусетский университет. Его она и закончила.

Гэрриет осеклась.

– Мне не нужно было говорить всего этого. Прости. Я устала, и это сорвалось с языка. Ухожу в душ.

– Вернешься?

– Да. Мне нужно еще кое-что сделать.

Гэрриет ушла, а Брэд стал размышлять над тем, что узнал о Вилли. Она не говорила ему, что окончила Массачусетский технологический институт. Сказала только, что играла в баскетбольной команде МТИ, что было правдой. И она была достаточно умна, чтобы поступить сначала в МТИ, кроме того, ее взяли клерком в Верховный суд. Это было лишним доказательством того, что она не была тупицей, как полагает Гэрриет.

Брэд выбросил из головы все мысли о Вилли Хорст и снова обратился к работе над запиской. Он проработал пятнадцать минут, когда кто-то постучал пальцами по дверному косяку. Брэд обернулся и увидел в дверном проеме Вилли Хорст. Волосы женщины были распущены и ниспадали вниз, ее бедра обтягивала черная юбка, белая шелковая блузка без ворота открывала смуглую соблазнительную ложбинку между грудями. Брэд вспыхнул, смущенный сексуальным возбуждением, которое вызвала в нем Вилли. В нем возникло безотчетное ощущение о знании гостей того, что он обсуждал ее с Гэрриет.

– Я пришла в ответ на ваше приглашение показать мне памятные вещи в офисе судьи Мосс, – сказала Вилли.

– Уфф, ладно. Я только выйду из Сети.

Судья Мосс оставила свет для уборщиков. Брэд галантно уступил право входа в кабинет судьи, и Вилли вошла первой. Наедине с Хорст Брэд чувствовал себя скованно, он хотел, чтобы осмотр помещения завершился как можно скорее. Начал с того, что указал на цитату судьи Брэдли.

– Вы с кем-то встречаетесь, – произнесла Вилли, читая цитату.

– Мы помолвлены.

– Гмм. Очень мило, – отреагировала Вилли, закончив чтение. Затем она стала рассматривать фото, изображавшее более молодую Фелицию Мосс и Мартина Лютера Кинга, которое было снято в день убийства Кинга. – Я слышала, что они были любовниками, – заметила Вилли.

– Беспочвенные слухи.

– Вы когда-нибудь спрашивали ее об этом?

– Конечно нет.

Вилли улыбнулась и перешла к письменному столу судьи.

– Вы не очень строги в отношении секса?

– Нет, – ответил Брэд чересчур поспешно.

На самом деле он не был мужчиной, относившимся к сексу легко. Он был женственным мужчиной, и интимные отношения с женщинами воспринимал всерьез. Изнурительные и мучительные отношения с одной из этих женщин, Бриджит Мэллоу, стали причиной переезда Брэда через всю страну по окончании юридического колледжа, из Нью-Йорка в Орегон. Прибыв в Портленд, Брэд сомневался, удастся ли ему пережить утрату Бриджит, но Гинни излечила его от симптомов излишне глубокой личной драмы.

Вилли водила рукой под поверхностью стола, словно гладила любовника, и одновременно рассматривала документы, кипами громоздившиеся на поверхности.

– Не думаю, что вам следует знакомиться с работой судьи, – предостерег Брэд. Он подошел к Вилли для защиты документов, хотя не хотел приближаться к ней ближе, чем допускали приличия.

– Прости. А это те дела, которые Мосс вела в суде? – спросила она, отправляясь к дальней стороне комнаты.

Брэд позволил Вилли еще немного побродить по кабинету судьи. Затем сказал, что должен ужинать с Гинни. Хорст намек поняла и покинула помещение. Брэд обратил внимание на то, что ее мало интересовали памятные вещи судьи. Он задумался, не была ли ее просьба познакомиться с этими вещами ширмой для чего-нибудь другого.

Глава 11

Шофер Денниса Мастерсона опустил тонированное стекло дверцы лимузина и представил своего пассажира охраннику у восточных ворот Белого дома. Охранник проверил, ждуть ли Мастерсона, затем документы самого атторнея, прежде чем дать отмашку, что путь свободен. Пока лимузин двигался по подковообразной подъездной дорожке, Мастерсон вспоминал короткий роман с президентом Гэйлорд, когда эта бывшая сенаторша от штата Огайо начала свой второй срок президентства. После того как Мастерсон кратко проинформировал за закрытыми дверями сенатский комитет по разведке о тайной операции в африканской Южной Сахаре, Гэйлорд попросила его чего-нибудь выпить с ней, якобы для того, чтобы посоветоваться с ним о том, что ей следует знать для более эффективной работы в период нового президентства. Мастерсон подозревал, что на уме у Гэйлорд было отнюдь не совершенствование своей работы, и был счастлив, когда его подозрения оправдались. Сенатор была прежде «мисс Огайо» и очень заботилась о поддержании своей фигуры и внешнего вида. На губах Мастерсона заиграла улыбка, когда он вспомнил несколько ночей, проведенных вместе с ней. Бесспорно, Гэйлорд была единственным президентом, которая выглядела так же привлекательно, как фото красавицы в журнале «Плейбой».

Любовная интрижка завершилась почти так же быстро, как и началась, и у Мастерсона не было никаких иллюзий относительно причины, по которой ее завела Гэйлорд. Каждый шаг был просчитан с тем, чтобы сохранить за ней преимущество. Президент выросла в крайней бедности и оплачивала свое продвижение в бизнесе и юридической сфере призами за победы на конкурсах красоты. Работая юрисконсультантом в крупной корпорации, она скопила личное состояние и завела влиятельные связи, ее быстрая карьера в политике была хорошо документирована. Президент была хищницей с интеллектом, развитым до опасного уровня, и Мастерсон понимал, что должен быть крайне осторожен в общении с ней.

Показалась Розовая лужайка, и шофер остановил машину у двери между Овальным кабинетом и столовой Белого дома. Агент секретной службы провел Мастерсона вверх по лестнице в личные апартаменты президента и оставил в небольшом кабинете. Заставив Мастерсона прождать пятнадцать минут, Морин Гэйлорд вышла к нему. Высокопоставленная брюнетка была одета в скромный костюм. То, что его скроил самый знаменитый модельер, мог заметить лишь самый проницательный взгляд.

– Деннис, – произнесла она с сияющей обворожительной улыбкой, которая освещала ее прекрасные черты.

Мастерсон наслаждался этим моментом. Он знал, что улыбка исчезнет, как только Гэйлорд узнает о причине его позднего визита.

– Президентство нисколько не состарило тебя, Морин, – сказал Мастерсон, после того как они расцеловались и сели на свои места.

– Ты всегда умел льстить, и продолжай это делать. Мне хочется слышать что-нибудь приятное, после того как я потратила целый день на этих мудаков из Северной Кореи.

– Тогда тебя обрадует мой визит. Я приехал, чтобы облегчить бремя твоей службы.

– Вот как, – вымолвила Гэйлорд. Президент понимала, что такая вещь, как непринужденный ланч, невозможна, когда речь идет о бывшем директоре ЦРУ.

– Вивиан Чалмерс замечательная женщина. Рону придется нелегко.

– Он удручен. Рассказал мне об этом первой, – заметила президент.

Мастерсон сочувственно кивнул.

– Рона будет трудно заменить.

– Согласна.

– Но, мне кажется, я нашел вполне подходящего человека, которого ты могла бы назначить.

Мастерсон выглядел вальяжным. Умиротворенная улыбка играла на его красивом лице.

– Знаешь, в ЦРУ на меня работали многие ужасные люди. Самым светлым среди них был человек, который является сейчас уважаемым ученым с глубоким пониманием окружающего нас мира.

– Кто же это, Деннис?

– Одри Стюарт.

– Ты шутишь?

– У тебя будет еще одна женщина в Верховном суде.

– Одри правее Аттилы, вождя гуннов. В сенате будет скандал, либералы обезумят.

Мастерсон перестал улыбаться и устремил на Гэйлорд холодный взгляд.

– Гарантирую, что проголосуют как надо, Морин.

– Что именно ты сделаешь?

– Таким же образом Эдгар Гувер выстраивал череду президентов. Директор ЦРУ имеет доступ к секретам. Я держал компромат на некоторых из них на черный день.

Впервые Морин Гэйлорд почувствовала себя неуверенно.

– Почему Стюарт? Она красива, но у меня есть много других таких же кандидатур высокой квалификации.

– Я высоко ценю Одри, – ответил Мастерсон уклончиво.

– Я же нет, но включу ее в список возможных назначенцев. Посмотрю, что скажут мои советники.

– Предпочел бы что-нибудь более существенное, – сказал Мастерсон, ужесточая тон голоса.

– Это все, что я могу сделать, Деннис. Ты не единственный, кто лоббирует кандидата. Обещаю, что рассмотрю твоё предложение всерьёз.

Мастерсон сунул руку в карман и вынул кассету, которую переправил на противоположную сторону разделявшего их кофейного столика. Под кассетой находилось с виду невинное фото Гэйлорд, сидящей в холле отеля в компании с мужчиной, явно уроженцем одной из стран Ближнего Востока. Мастерсон наблюдал, как бледнеет лицо президента, поднимающейся со своего места.

– Благодарю за то, что ты приняла меня в столь короткий срок. Буду признателен, если согласишься Одри в качестве возможного кандидата на пост судьи Верховного суда. Почему бы тебе не позвонить мне, когда примешь решение?

Когда Деннис Мастерсон закрывал за собой дверь кабинета, президент Соединенных Штатов все еще смотрела на фотографию. Хотя Мастерсон выглядел абсолютно уверенным в себе, встреча с президентом Гэйлорд оставила его в удрученном состоянии. Как атторней, он сознавал, что, шантажируя президента, нарушает федеральный уголовный кодекс, но последствия истребования дела Вудраф были потенциально опаснее. Кроме того, он был уверен, что Гэйлорд не захочет, чтобы он дал прослушать разговор, записанный на кассету, кому-нибудь еще.

Мастерсон приказал шоферу везти его домой. Затем открыл бар лимузина и налил стакан солодового виски пятнадцатилетней выдержки, глотнул из него и закрыл глаза. Успокоившись, он принялся обдумывать свою проблему.

Осведомитель Мастерсона в суде сообщил, что, если Мосс намерена голосовать за истребование дела Вудраф, судьям будет недоставать одного голоса для принятия этого решения. Если назначат Стюарт, то от Мосс больше ничего не будет зависеть, но Мастерсону не хотелось оставлять все на волю случая. Мосс была джокером. Она являлась блестящим знатоком права,

обладала даром убеждения других судей. Опять же права Гэйлорд: либералы придут в бешенство в случае назначения Одри. Мастерсон почти не сомневался, что сможет воздействовать на голосование таким образом, что Стюарт назначат на должность судьи, но в политике ни в чем нельзя быть уверенным. Неплохо иметь план на случай непредвиденных обстоятельств. Мастерсон такой план имел и решил его задействовать.

Глава 12

Дафна Хаггард выросла в Новой Англии. Затем она переезжала в Чикаго и Висконсин. Она должна была привыкать к холоду, но ненавидела его. Если бы было просто за двадцать градусов мороза в этом краю волшебных деревьев со сверкающим белизной покровом, то она оценила бы безмятежную красоту леса. Но каждый раз, когда она пыталась забыться среди ландшафта, словно нарисованного на открытке, сильный порыв ветра хлестал по деревьям и ее щекам. Если бы у нее были мозги, она бы жила в Сан-Диего или Майами.

Что она делает в этом краю, надзирая за поисками останков тела? Возможно ли, чтобы поисковые группы что-нибудь обнаружили? Дафна сторбилась, натянула на уши свою темно-синюю вязаную шапочку и сделала продолжительный глоток горячего кофе из термоса, который сжимала руками в перчатках. Ей следовало сидеть дома у камина, вместо того чтобы морозить здесь задницу по глупому приказу. И все же это, возможно, их единственный шанс. Буря, прервавшая поиски, после того как была обнаружена часть бедра, продолжалась несколько дней, затем потеплело и снег значительно подтаял. Снова становилось холодно, но снегопада не прогнозировали до конца недели. Это означало, что они располагали небольшим промежуток времени, чтобы осмотреть местность и понадеяться на чудо. Если зима установится всерьез, поиски придется отложить на несколько месяцев. Конечно, до того времени, когда они возобновятся, будут получены результаты теста на ДНК с образца ткани неопознанной жертвы, которые передадут в Национальную службу поиска пропавших и неопознанных лиц, и все эти страдания от холода окажутся напрасными.

Дафна уже загнала себя в глубокую депрессию, когда пара скаутов продралась к ней среди деревьев.

- Мы нашли ногу! – закричал один из мальчишек.
- Она на той стороне речки, – пояснил другой мальчишка.
- Покажите, – сказала Дафна.

Оба скаута помчались к месту сужения русла речки, Дафна старалась не отставать. Уровень воды в речке поднялся из-за талого снега, течение усилилось. Дафна едва не потеряла равновесие на скользких камнях, рассеянных в русле речки, но сумела удержаться и не рухнуть в ледяную воду. Берег на другой стороне шел слегка под уклон, и ей удалось подняться на него вовремя, чтобы заметить, как скауты скрываются в березовой чаще. Ветки берез оголились, и она могла ориентироваться на красную лыжную куртку одного из скаутов. Когда Дафна вошла в лес, мальчишки прекратили свой бег.

– Как тебе это нравится! – произнесла Пэтти Брэдфорд, окружной медэксперт. Это была высокая, дородная женщина с пепельными волосами и живыми голубыми глазами. Ее никогда не покидал энтузиазм, несмотря на мрачную природу ее работы.

Пэтти и Дафна стояли у стола из нержавеющей стали, на котором лежал фрагмент отсеченной ноги.

– Видишь этот шрам? – спросила Брэдфорд, указывая на полоску рубцовой ткани, которая начиналась под коленной чашечкой и заканчивалась примерно в двух с половиной сантиметрах от края ампутации. – Кто-то оперировал этого человека. Мы просветили рентгеном ногу, как только увидели шрам, и вот что обнаружили.

Брэдфорд показала Дафне рентгенограмму. Та устремила на нее пристальный взгляд и заметила прямую темную линию.

– Ортопедическая вставка, – пояснила Брэдфорд. – Это лицо, мужчина или женщина, сломало ногу и в месте перелома ему вставили стержень из нержавеющей стали. Когда мы извлечем стержень, можно будет определить марку и серийный номер изделия. Если повезет,

изготовитель сообщит, куда поставлялись эти изделия, а в случае еще большей удачи получившая их больница установит пациента, подвергшегося операции.

– Сколько времени займет все это? – спросила Дафна, воодушевленная прорывом в расследовании, но озабоченная тем, чтобы опознание жертвы произошло как можно быстрее.

– Этого я не могу тебе сказать. Зависит от того, как долго будет производиться операция и будет ли на стержне маркировка. Но стержень, несомненно, даст какую-то информацию для дальнейшей работы.

Глава 13

Судья Мосс работала над решением по делу о подделке ценных бумаг, к которому Брэд не имел отношения. Арни Коупленд, исследовавший дело, весь день входил в офис судьи и выходил из него. Брэд закончил докладную записку по делу о трудовом конфликте в глубинке Юга страны чуть позже пяти часов. Судья говорила, что хотела бы видеть докладную записку сразу по завершении ее составления, но Брэд знал, что лучше не прерывать размышления Мосс. Она целиком погружалась в работу и не любила, когда ее отвлекали.

В шесть часов Гэрриет отправилась на пробежку и оставила Брэда в одиночестве. Он наблюдал за дверью офиса судьи, надеясь перехватить босса перед уходом. В половине седьмого Брэд пошел в комнату отдыха. Возвращаясь оттуда в свой кабинет, он заметил, что дверь офиса Мосс открыта. Заглянув, он увидел, что ее нет.

– Где судья Мосс? – спросил Брэд у Кэрри Харрис, выключавшей компьютер.

– Только что ушла.

– Домой?

Харрис кивнула:

– Если поспешишь, сможешь ее догнать. Она направилась в гараж.

Судья Мосс сказала Брэду, чтобы он принес записку, как только закончит ее составление, и он не желал ее разочаровывать. Схватил документ и понесся по коридору к лифту, который спускался в подземный гараж, где парковались машины судей. Его шаги гулким эхом отзывались в почти пустом здании.

Двери лифта открылись, и Брэд очутился у подножия ската с улицы к гаражу. Наверху сидел в будке полицейский, следивший за тем, чтобы к гаражу спускались только машины лиц, имеющих разрешение на это. Въезд блокировался заградительной полосой, и, пока полицейский не нажимал на кнопку, она не погружалась в бетон, чтобы освободить путь.

Перед Брэдом находился скат, уводивший в первый сектор парковки. Судья Мосс спускалась, хромая, по скату вниз к своей машине. Брэд собирался ее окликнуть, когда из-за бетонного столба у подножия ската появилась фигура в черном. Злоумышленник был в маске из лыжной шапочки и перчатках, он держал в руке пистолет с глушителем. Страх пронзил Брэда, ему вдруг открылась картина из прошлого, когда он единственный раз в жизни столкнулся с женщиной, вооруженной пистолетом. Рассудок велел ему убежать, но ноги не подчинялись приказу, он кинулся вниз по скату.

– У него пистолет! – крикнул Брэд.

Злоумышленник повернулся к нему. Между тем судья Мосс не медлила. Она оперлась на машину позади себя и ударила палкой по запястью киллера. Пистолет со стуком запрыгал по бетонному полу в направлении Мосс. Брэд устремился вперед, и злоумышленник, отступив, нанес ему сокрушительный удар под ребра, сбивший с ног. Брэд все же сумел перекатиться на бок, чтобы подползти к злоумышленнику, держа при этом Мосс в поле зрения.

Судья Мосс наклонилась, чтобы подобрать пистолет. Киллер бросился к ней. Брэду, превозмогая боль, удалось схватить его за лодыжку. Злоумышленник яростно пытался освободиться, и Мосс подняла пистолет. Брэд привстал, приподнимаясь на ноги, и тут киллер, зайдя ему за спину, обхватил рукой его шею.

Без палки Мосс держалась на ногах неустойчиво. Она сжимала пистолет двумя руками, стараясь прицелиться. Киллер в это время тащил Брэда вверх по скату, прикрываясь им, как щитом. Судья выстрелила вверх, надеясь привлечь внимание полицейского в будке.

– На помощь! – крикнул Брэд, стараясь вырваться из руки, вцепившейся в шею.

Хватка усиливалась, затрудняя дыхание Брэда. Полицейский вышел из будки. Киллер мгновенно бросил Брэда и рванул к нему. Коп потянулся к своему револьверу, но получил

мощный удар в ногу. Тычок ножом у горла послал полицейского офицера на бетонный пол. Мосс выстрелила. Выстрел был сделан наугад, и пуля отскочила от полицейской будки. Брэд прикрыл голову рукой и нагнулся. Мосс снова выстрелила, как раз в тот момент, когда киллер скрылся в здании. Выстрел угодил в стену далеко от цели.

– Перестаньте стрелять! – крикнул Брэд. – Вы попадете в кого-нибудь из нас.

Мосс опустила пистолет и повалилась на желтовато-коричневый «мерседес» судьи Дэвид. Брэд потащился к боссу.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

– Лучше, чем вы, – ответила Мосс. – Возможно, на это придется наложить швы.

Брэд проследил за ее взглядом и потрогал свой пораненный подбородок. Он отнял руку, увидел кровь.

Мосс глубоко вздохнула и покачала головой:

– Раньше никогда не стреляла из пистолета.

Учитывая отсутствие у нее меткости, Брэд надеялся, что она никогда не станет делать этого снова.

– Подайте мне, пожалуйста, палку, Брэд. Потом позаботьтесь о полицейском. Возможно, у него сломана нога. Вызовите сюда полицию.

Брэд передал судье палку и поднялся по скату к полицейскому. Тот держался за голень и корчился от боли. Двигаясь к полицейскому, он заметил разбросанные на бетоне страницы своей докладной записки.

Охранник сопровождал Брэда и судью Мосс в ее офис. Дежурный медик обработал антисептиком рану на подбородке Брэда, решил, что он не нуждается в наложении швов, и заклеил ее бактерицидным пластырем. Затем представитель полицейского подразделения Верховного суда снял показания пострадавших от покушения.

Брэд был потрясен. Вместе с Даной Катлер, частным детективом из Вашингтона, он уже подпал под обстрел в Орегоне, расследуя причастность президента Фаррингтона к убийствам нескольких молодых женщин, и ни в коей мере не желал оказаться в таком положении еще раз. Он дрожащим голосом рассказал то, что помнил о покушении в гараже, и дрожащей рукой подписал лист бумаги со своими показаниями. Перед уходом полицейский офицер заверил пострадавших, что в здании ведутся интенсивные поиски злоумышленника, перед офисом судьи Мосс выставлен пост, для охраны судьи предприняты дополнительные меры безопасности, ФБР поставлено в известность.

Трагическое происшествие в гараже, казалось, не произвело особого впечатления на судью Мосс, разве что она попросила стакан воды. В отличие от Брэда, когда она давала свои показания, ее голос звучал ровно и уверенно.

– Как вы можете сохранять спокойствие?! – воскликнул Брэд, когда они остались вдвоем.

– Подростком я участвовала в драках довольно жестокой банды. У нас не было таких огневых средств, которые вы легко достаете сегодня, но мне приходилось страдать от поножовщины, цепей и самодельных пистолетов. – Она покачала головой. – Конечно, это было давно. Я не дерусь со студенческих времен, и это уберегло меня.

– У вас быстрая реакция. Если бы вы не выбили пистолет из руки киллера, нас бы больше не было на свете.

– Аминь. Полагаю, прежние навыки не слишком глубоко спрятались во мне.

– К счастью для нас.

– Нам повезло наполовину. Я была в секундах от некролога. Но меня тревожит не само нападение. Причина этого – вот что меня беспокоит.

Глава 14

Кейт Эванс пришел домой чуть раньше шести и разогрел в микроволновой печке ужин: куриное мясо с каким-то гарниром. Через десять минут он бросил упаковку в мусор, не помня, что ел.

После ужина Кейт в течение десяти минут переключал каналы, прежде чем выключить телевизор. Кейт хотел, чтобы хотя бы ФБР разрешило эту загадку: каким образом при наличии двух миллионов кабельных каналов он не мог обнаружить по телевидению передачу, которая бы его заинтересовала. Он опустил пульт на край стола и побрел к книжному шкафу, который стоял у передней стенки маленькой гостиной в его небольших апартаментах. Кейт мог бы позволить себе более просторное жилье, но он бывал дома так редко, что улучшение жилищных условий, по его мнению, не стоило траты денег. Он оглядел обложки нескольких книг, которые обнаружил на стеллаже местного магазина детективной литературы, но ничто не привлекло его внимания.

Кейт не признавался себе, но ему было невыразимо скучно. Он начал карьеру профессионального копа почти двадцать лет назад в штате Небраска, где интуиция помогла ему выследить серийного убийцу, который пять лет водил за нос ФБР. Это произвело столь сильное впечатление на сотрудника ФБР, прикомандированного к делу, что он привлек Кейта на работу в свое учреждение. Поступив на службу, Кейт никогда не дублировал свои незаурядные методы расследования дел. Его успехи были результатом упорной полицейской работы. В сорок лет он забросил мечты стать таким Шерлоком Холмсом ФБР, но участие в деле Д.К. Риппера, покончившего с президентством Кристофера Фаррингтона, воодушевило его. Теперь это дело было завершено, он скучал по волнительному ощущению нахождения в горниле правоохранительной деятельности.

Кейт пытался решить, что делать дальше, когда подал сигнал сотовый телефон. На дисплее высветилась его партнерша Мэгги Спаркс. Должно быть, произошло что-то важное, если она позвонила вскоре после его ухода с работы.

Брэд продолжал разговор с судьей, когда в офисы Мосс вошли Кейт Эванс и Мэгги Спаркс. Два детектива ФБР представляли собой разительный контраст. Ростом под два метра, с редкими светлыми волосами, Эванс смотрел на окружающих пронизательными, серыми, утомленными глазами. В своем среднем возрасте он пополнил, когда-то широкие плечи сутулились. Темнокожая Спаркс выглядела энергичной, атлетического сложения женщиной с глянцевыми черными волосами. Она отличалась молодостью и задором, трудное поручение, давившее на психику ее партнера, кажется, пока несколько не тревожило Спаркс.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Брэд Кейта.

– Нам с Мэгги поручено расследовать покушение на жизнь судьи Мосс, – сказал Кейт. Агент указал на подбородок Брэда. – Ты пострадал?

– Мистера Брэда ранили во время исполнения служебных обязанностей, – пояснила Мосс.

Брэд повернулся к боссу:

– Вам повезло, судья. ФБР привлек к расследованию этого дела двух лучших сотрудников. Кейт был главой спецгруппы по делу Д.К. Риппера, и его расследование было одной из причин падения президента Фаррингтона.

– Я видела агента Эванса по телевизору, – улыбнулась судья Мосс. – Рада видеть вас.

– Это моя партнерша Мэгги Спаркс. Можно присесть? – спросил Кейт, указывая на два кресла, стоявшие напротив дивана, на котором сидели Брэд с судьей Мосс.

– Пожалуйста.

– Я знаю, что вы уже давали показания полиции, – обратился Кейт к судье, – не расскажете ли теперь и нам, что случилось?

Судья Мосс подробно рассказала обо всем, что произошло с того времени, когда киллер вышел из-за колонны, и до того момента, как злоумышленник убежал через въезд в гараж.

– Можно надеяться, что этого субъекта найдут? – спросил Брэд, когда судья кончила говорить.

– Здание осматривается, но оно довольно велико. Надеюсь, его найдут, но он мог покинуть здание до начала поисков.

– Буду удивлена, если человек, пытавшийся убить меня, все еще здесь, – сказала судья Мосс. – Он выглядел профессионалом.

– Почему вы так думаете? – спросила Мэгги.

– У меня сложилось впечатление, что он хорошо знал свою работу и позаботился о возможности скрыться с места покушения. Когда вы пойдете в гараж, то убедитесь, что он не мог ускользнуть оттуда на машине. В начале ската в гараж имеется заградительная полоса, которая поднимается по сигналу тревоги. Поэтому ему следовало разработать способ выбраться из здания суда, когда со мной будет покончено.

– Почему вы решили, что злоумышленник профессионал? – поинтересовался теперь Кейт.

– Такова была его манера поведения. Он легко справился с Брэдом и полицейским. Его пистолет имел глушитель. Он определенно прошел соответствующую подготовку.

– У вас есть версия мотива покушения на вашу жизнь? – спросил Кейт.

– Нет. Возможно, нападавший был психически больным человеком или каким-нибудь фанатиком правого толка.

– Вы вели дело в текущую судебную сессию, которое могло подвигнуть кого-то на подобные действия?

– Нет, в последнее время мы не рассматривали горячие дела, касающиеся абортотворцев или прав геев.

– А как насчет дел, затрагивающих отдельных лиц или бизнес? – спросила агент Спаркс.

– Такой характер носит почти каждое дело, и разбирательства очень важны для сторон, но, честно говоря, я не думаю, чтобы они вызвали ожесточение до такой степени, чтобы покушаться на мою жизнь. Были случаи, когда судья отказывался вести дело или болел, в таких случаях судебная сессия продолжалась как обычно.

– Личные враги? Вы можете вспомнить уволенного сотрудника суда или кого-то еще в вашей личной жизни, настроенного к вам враждебно?

Мосс покачала головой:

– Сейчас подумаю... Нет, не могу припомнить кого-либо, кто желал бы мне смерти.

Глава 15

Большая часть жизни Фелиции Мосс прошла в одиночестве. На короткое время, когда приблизилась к сорокалетнему возрасту, она выходила замуж за адвоката из движения за гражданские права. Но их супружеская жизнь продлилась всего два года не по вине ее мужа. После развода ей довелось иметь любовника, однако главным для нее оставалась работа. Фелиция не сожалела о дефиците общения. Она давно решила, что будет жить одна и никого не станет посвящать в свои расстройства и слабости.

За исключением работы на Уолл-стрит у судьи никогда не было дохода, сравнимого с доходом таких людей, как Миллард Прайс, но она была мудрым инвестором, а прибыль от ценных бумаг позволила ей приобрести удобные апартаменты в старом, красивом, холмистом районе близ авеню Коннектикут. Сегодня ее сопровождали из суда домой три копа. Один из них стоял на страже у двери, двое других осматривали апартаменты, чтобы убедиться, не ждет ли судью кто-нибудь внутри. Когда осмотр завершился, два полицейских удалились, оставив третьего дежурить в холле, вне апартаментов.

Фелиция заметила, что нападение в гараже потрясло Брэда. Сама же она обладала способностью подавлять в себе чрезмерные эмоции, которые не отпускали других людей, сталкивавшихся с опасностью. Когда офицеры покинули квартиру, ее руки не дрожали, а дыхание оставалось ровным. Однако судья была сильно утомлена. Лишь только за копами закрылись двери, она рухнула в кресло и закрыла глаза. Раньше энергии в ней было хоть отбавляй, но сейчас ей было за семьдесят, и последствия возраста сказывались на ней сильнее, чем она желала.

Просидев в кресле некоторое время, Фелиция почувствовала, что голодна. Из-за возбуждения, связанного с покушением, она забыла о еде. Здание, в котором помещалась ее квартира, строили в начале сороковых годов. Мраморный камин, который был главной достопримечательностью гостиной с высоким потолком, украшали старые часы. Фелиция с изумлением увидела, что уже больше девяти вечера. Встала и пошла на кухню. При всех своих способностях умелого руководителя ее хватило только на то, чтобы соорудить из остатков запасов бутерброд. Налив стакан молока, Фелиция села за кухонный стол. Она почти не чувствовала вкуса бутерброда, поскольку была поглощена событиями в гараже. Слишком старая, чтобы бояться смерти, она в свои семьдесят с лишком лет была такой же любопытной, как и в подростковом возрасте. Чем вызвано нападение? Киллер мог быть просто фанатиком, но она так не думала. В ее личной жизни не происходило ничего, что могло бы вызвать такую злобу. Она мысленно перебирала возможные причины нападения и в конце концов возвращалась к одной. Единственными странными событиями в последнее время были чрезмерная реакция Милларда Прайса на дело Вудраф во время его обсуждения и попытка двух помощников Прайса побудить Брэда Миллера передать конфиденциальную информацию о ее предстоящем голосовании. Но Фелиция не могла поверить в то, что некто собрался убить ее из-за возможности истребования дела.

С другой стороны, она фактически знала о деле Вудраф не больше того, что подателю прошения грозила казнь в штате Орегон и что наиболее важная правовая проблема касалась неразглашения государственной тайны, о чем она почти не имела представления. Мог ли Миллард Прайс быть как-то связан с делом? Фелиция покачала головой. Даже если мог, абсурдно полагать, что друг и коллега попытается убить ее из-за него. Но все же Фелиция не могла отделаться от мысли о том, что она напала на след чего-то важного. Впрочем, что делать? У нее не было возможности провести расследование самостоятельно. Судье Верховного суда не разрешено выходить за пределы запротоколированного дела, направленного в суд. Даже если бы ей позволили выступить в роли частного детектива, у нее не хватило бы времени и сил. Фелиция

улыбнулась в ответ на эту мысль. Она не могла играть роль Сэма Спейда, но она была знакома кое с кем, кто знал реальную жизнь частного детектива.

Глава 16

Брэд перед самым уходом домой позвонил Гинни и рассказал в общих чертах о том, что случилось. Гинни имела обыкновение смотреть вечерние новости, и Брэд боялся, что она будет волноваться, когда услышит о покушении на судью Мосс. Кроме того, судья опасалась, что злоумышленник мог отомстить Брэду за срыв своих планов, поэтому договорилась, чтобы полицейский довез Брэда домой и охранял его квартиру. Едва Брэд открыл дверь, как Гинни обвила его руками. Это компенсировало все ужасные происшествия дня, но причинило мучительную боль в ребрах, куда пришелся удар злоумышленника. Брэд сморщился, а Гинни отпрянула.

– Что с тобой?

– Мои ребра. Болят немного.

За Брэдом в комнату вошел коп.

– Это офицер Гросс из охраны Верховного суда, – объяснил Брэд. – Сегодня вечером он будет охранять квартиру. Офицер Гросс, это моя невеста Гинни Страйкер.

– Сударыня, – поклонился в ответ Гросс.

– Зачем нам нужна охрана?

Брэд решил подсластить правду:

– Не думаю, что нужна, но судья Мосс настаивала. Думаю, она хотела оградить нас от репортеров. В Верховном суде не поощряются интервью клерков прессе.

Офицер Гросс бегло осмотрел квартиру, перед тем как позаимствовать стул с кухни, чтобы сидеть в холле.

– С тобой действительно все хорошо? – спросила Гинни, когда за Гроссом захлопнулась дверь. Она имела в виду большой пластырь на подбородке Брэда и его реакцию на ее объятия.

– Успокойся, рану на подбородке зашивать не нужно и ребра не сломаны.

– Я так испугалась, когда слушала новости! Сказали, что ранили клерка, правда, имя репортер не назвал. А тут еще ты не пришел домой вовремя...

– Сожалею, что причинил тебе беспокойство. – Брэд снова привлек к себе Гинни и крепко обнял. – Тот, кто нападал на судью Мосс, вероятно, псих.

– Мне невыносимо сознавать, что ты в опасности.

– Но это не так. – Брэд слегка отстранился от Гинни. – Закончим с этой ерундой. Есть что-нибудь покушать? Я голоден.

Пока Гинни разогревала какую-то пищу, взятую из китайского ресторана на вынос, Брэд рассказывал ей об инциденте в гараже.

– Ты безумец, – прокомментировала Гинни эпизод, когда Брэд бросился на киллера. – О чем ты думал?

Брэд поник головой, не в силах смотреть в глаза Гинни.

– Ни о чем. Я действовал непроизвольно, – пояснил он застенчиво.

– Господи, мне это не нравится. Я думала, что мы покончили с оружием и киллерами.

– Покончили, поверь мне. Выяснится, что этот субъект – член какой-нибудь маргинальной правоэкстремистской группировки, ненавидящей афроамериканцев или либералов. Не я был мишенью.

Микроволновка подавала сигнал, и Брэд понес свой ужин в гостиную, пока Гинни готовила чай. Подошло время поздних новостей, и Брэд включил телевизор. Ведущая, женщина-блондинка, смотрела в телекамеру с очень серьезным выражением лица.

«Основные новости сегодня посвящены Верховному суду. Итак. Неустановленный убийца совершил покушение на жизнь судьи внутри исторического здания суда. Президент Морин Гэйлорд назначила вместо подавшего в отставку члена судейской коллегии Рональда Чалмерса судью-женщину».

На экране появился кадр с Фелицией Мосс.

«Никогда в истории нашей страны убийца не нападал на судью-заседателя в стенах здания Верховного суда, – продолжала ведущая. – Но все изменилось этим вечером, когда злоумышленник попытался застрелить члена суда Фелицию Мосс в гараже здания. Лишь молниеносная реакция одного из ее помощников предотвратила трагедию. Личность помощника не раскрывается, но в числе помощников судьи Брэд Миллер, который сыграл заметную роль в недавнем скандале, связанном с бывшим президентом Кристофером Фаррингтоном».

– Великолепно, – сказал Брэд. – Снова готовься к нашествию орд репортеров. Черт! Я так хотел разделаться со своим присутствием в новостях.

Гинни сжала его руку.

– Я огорчена не меньше, чем ты, но мы с тобой однажды выдержали одну бурю, совладаем и с другой. Слава богу, судья Мосс предусмотрительно попросила послать с тобой копа для охраны нашей квартиры. Не хватало мне только репортера, который постучал бы в нашу дверь среди ночи и...

Гинни неожиданно осеклась.

– Я знаю ее.

– Кого?

Гинни указала на экран телевизора:

– Эту женщину.

На экране президент Морин Гэйлорд представляла своего назначенца на вакантную должность члена судейской коллегии Верховного суда, освободившуюся в связи с отставкой судьи Чалмерса. Рядом с президентом стояла довольно высокая женщина, очень худая, с заостренными чертами лица, поблекшими каштановыми волосами. Ее губы были сжаты в тонкую жесткую линию, глаза глядели прямо перед собой. Брэд подумал, что она совершенно лишена юмора.

«Одри Стюарт выпускница факультета права Йельского университета, – говорила президент Гэйлорд. – Несколько лет она с успехом работала профессором правовых факультетов Гарвардского и Нью-Йоркского университетов. Более важным для ее послужного списка является то, что мисс Стюарт в весьма высокой должности прослужила немалый срок в Центральном разведывательном управлении. Опыт наделяет ее уникальными способностями проникнуть во многие проблемы, стоящие перед Верховным судом».

– Откуда ты знаешь Стюарт? – спросил Брэд.

– Я *знаю* ее не по-настоящему. Помнишь, ты позвонил мне вечером несколько дней назад и предложил вместе поужинать, а я не могла пойти из-за занятости в конце рабочего дня?

– Помню.

– Когда я уходила с работы, появился Деннис Мастерсон вместе со Стюарт. Я подумала, что это неподходящее время для встречи с клиентом, но Мастерсон, должно быть, помог Стюарт получить назначение. Он был главой ЦРУ, бьюсь об заклад, она работала с ним.

– В этом есть резон. Мастерсон – крупный игрок в нашем городе.

Между тем в кадре Одри Стюарт взошла на подиум и произнесла слащавую благодарственную речь.

– Она выглядит не очень уверенной, – сказал Брэд. – Интересно, чью сторону она будет держать в суде?

– Если она работала в ЦРУ, то полагаю, будет поддерживать консерваторов.

– Не всегда так бывает, – возразил Брэд. – Хуго Блэк начал с того, что входил в ку-клукс-клан, а закончил твердым приверженцем гражданских свобод. Все считали, что Гарри Блэкмен станет ярым консерватором, а он написал смелую работу «Рой против Уэйда».

– Если Деннис Мастерсон помог ей получить назначение, то Одри Стюрат не кабинетный либерал. Поверь мне. Я достаточно хорошо изучила Мастерсона за время работы в фирме, чтобы понять: он будет поддерживать в суде только крайних правых.

– Завтра блогеры и газеты предоставят массу комментариев относительно ее взглядов.

Зазвонил телефон. Гинни и Брэд взглянули на аппарат одновременно.

– Пусть этим займется автоответчик.

– Привет, это Венди Феллоуз из «Вашингтон пост», – произнес голос в телефоне.

Брэд подошел к стене и отсоединил телефон. Почти сразу же прозвучал сигнал мобильного Гинни. Они взглянули друг на друга и выключили свои мобильники.

– Ты не жалеешь, что связалась со мной? – спросил Брэд.

– Моя жизнь как невесты, несомненно, была бы более спокойной с кем-нибудь другим.

Но считаю тебя одним из тех испытаний, которые Бог посылает нам.

Брэд улыбнулся. Затем обнял Гинни и поцеловал.

– Этим вечером нам не будут больше звонить, и по телевизору не идет ничего интересного. Чем ты хочешь заняться?

– Ты уверен, что твои ребра выдержат это? – спросила Гинни полушутя.

– Почему бы не проверить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.